

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**Л. Гудков,
Б. Дубин,
Н. Зоркая**

Молодежь России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Wer_prilGUDKOV.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Приложение к журналу «Общая тетрадь»

Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая

МОЛОДЕЖЬ РОССИИ

Московская школа политических исследований

2011

ББК 66.3(2Рос)6
М 75

*Издание осуществлено
при поддержке Института «Открытое общество» (НЕСР),
посольства Австрии в России, посольства Норвегии в России,
посольства Финляндии в России, группы компаний «Рольф»*

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.

М 75 Молодежь России. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 96 с.

Это социологическое исследование Левада-Центра посвящено анализу молодежной среды современной России. Сопоставляя результаты специального опроса 2011 года с более ранними, авторы выявляют и комментируют совокупность общественно-политических, культурологических, морально-психологических и иных факторов, формирующих облик, ценностные координаты и модели поведения различных категорий российской молодежи.

ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 978-5-91734-023-4

© Московская школа политических исследований, 2011

Введение

Проблема молодежи в дискуссиях о будущем российского общества занимает в последние годы довольно скромное место. В кругах, связанных с властью или идеологическими ведомствами, вопросы социально-культурной репродукции или изменения ценностей обычно замещены практическими вопросами патриотического и нравственного (религиозного) воспитания, профилактики наркомании, состояния или реформы современной школы и т. п. Немногочисленные социологические исследования молодежи, проводимые университетами и академическими институтами (Н. Беяева, В. Магун и др.), подчинены задаче продемонстрировать переломные тренды в ценностных установках молодежи и доказать их соответствие курсу на модернизацию страны или сближение представлений российской молодежи с западноевропейской.

На наш взгляд, оценка положения дел в молодежной среде должна быть гораздо более дифференцированной и отражающей противоречивые процессы, идущие в посттоталитарном обществе.

С начала краха коммунистической системы в СССР прошло уже более двух десятилетий. За это время сменилось одно поколение. К концу 2000-х стало очевидным, что в жизнь, вслед за молодыми людьми рождения середины или конца 80-х годов, входит поколение рождения начала 90-х, людей, социализированных на протяжении уже путинского времени — эпохи «стабильности», сравнительного экономического благополучия, усиления авторитарных тенденций в политике, имитации возвращения к великодержавной геополитике, к официальному православию и т. п. Речь

идет о появлении нового поколения двадцатилетних, уже не знавших советского времени, для кого сегодняшние реалии представляются само собой разумеющимися и естественными, всегда бывшими. Это поколение не знает о хроническом дефиците эпохи брежневского застоя, чувстве бесперспективности жизни, тоске Высоцкого, о подцензурном искусстве. Этим молодым людям та жизнь не интересна, она для них не значима, как обычно это бывает с отношением к жизни родителей.

В начале 1990-х потенциал изменений в обществе, его модернизации связывался с вступлением в «новую жизнь» молодых поколений. Об этом не раз писалось в статьях и работах нашего Центра. Признаки изменений исследователи искали не только в образованном слое, из которого должны выдвигаться и формироваться профессиональные элиты общества, не только в современной, более сложно устроенной урбанизированной среде больших городов и мегаполисов, но и в среде молодежной. Мы постоянно отмечали, выделяли, «вытаскивали» на свет такие отличительные характеристики молодых, как положительное, открытое отношение к Западу, более явную, чем в населении в целом, идентификацию с либерально-демократическими ценностями*, стремление к гражданским свободам, к достижению успеха. И наконец, мы постоянно отмечали большую удовлетворенность среди молодых происходящим в стране и ее повседневной жизни.

Исходя из этой посылки, долгое время подтверждавшейся опросами, примерно до середины 1990-х годов, а затем постепенно ослабевавшей, мы полагали, что с каждым новым поколенческим сдвигом будут соответственно усиливаться механизмы рецепции западных ценностей и норм, а значит, станут углубляться и процессы структурно-функциональ-

* Как стало понятно позднее, идентификацию декларативную, поверхностную, знаковую, то есть не меняющую или не создающую новых ценностных порядков, регулятивов действия, стремления к гражданским свободам, развитию и успеху.

ной дифференциации, происходить разделение властей, институционализация новых форм социальной организации, повышаться потенциал общественной инициативы и самоуправления. Короче говоря, ожидалось (и с большой вероятностью), что демократический и рыночный транзит будет завершен в вполне обозримые сроки.

Оценки изменений в социальной, политической, экономической жизни предполагали двойную оптику. Шкала изменений строилась на соотнесении реальных трансформаций с ожидаемыми, а те, в свою очередь, были обусловлены идеальной обобщенной моделью западной демократии и рыночной экономики. Либерально-демократическая идеология программ или сценариев модернизации постсоветского общества и экономики в публичной сфере опиралась не на понимание природы советского или эмпирическое знание постсоветского общества, а на общие схемы транзитологии и лежащие в их основе ценностные представления. Другими словами, в основу неявных посылок подобных исследований была положена тавтологическая ценностно-методическая схема. В рамках таких представлений межпоколенческие различия в оценках ключевых для модернизационных процессов проблем и вопросов — будь то отношение к частной собственности, к роли государства в управлении экономикой, взаимодействия бизнеса и государства и его правового регулирования, проблематика соблюдения гражданских прав и свобод и пр. — рассматривались как относительно большая заинтересованность молодежи в изменениях, как «либерализм», а их близость с оценками, мнениями и представлениями высокообразованной части населения, специалистов, давала повод считать их более «авторитетными», вводя сюда уже логику «имплементации» (сверху вниз) — от статусно более высоких групп, как бы задающих тон в обществе, к менее авторитетным и готовым к пассивному усвоению группам, усваивающим социальные и культурные образцы и мнения «элиты».

Однако примерно к середине 1990-х годов в работах Левада-Центра, основанных на анализе, прежде всего, постоянно повторяющихся вопро-

сов, было показано, что приписывать молодежи роль проводников модернизации и носителей новых либерально-демократических ценностей, приверженцев западной модели политической и экономической систем, по сути, означало выдавать желаемое за действительное. Сравнительный анализ данных по поколениям, возрастным когортам показывал, что «прозападные» ориентации молодых носили преимущественно декларативный и фазовый характер*. То есть по мере взросления молодые все больше вписывались в структуру тех массовых базовых ценностных представлений, которые не слишком далеко ушли от советского прошлого, а негативный фон настроений, доминировавший до 2006 года, только повышал чувствительность взрослеющих молодых людей к привычным для советского человека комплексам, стереотипам и предрассудкам. Значимым отличием молодых от старших поколений были и остаются, по сути, только большая удовлетворенность всеми сферами жизни, включая материальное положение, с одной стороны, а с другой, особенно для самых молодых, — большая чувствительность к проблематике, связанной с национальной или этнической идентичностью, большая проницаемость для националистической риторики, вплоть до самых экстремистских ее проявлений.

Пока общий политический климат в стране (примерно до 1998 г.) оставался относительно мягким и либеральным, сохранялась и видимость относительного разнообразия, плюрализма мнений и позиций. Молодежь в это время отличала большая выраженность и поляризованность мнений: она была готова поддерживать в большей мере и правили-

* См., например: Левада Ю.А. Три «поколения перестройки» // Мониторинг общественного мнения, 1995, № 3, с. 3–7; он же: Заметки о «проблеме поколений» // Там же, 2002, № 2, с. 9–11; Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Там же, с. 11–15; Зоркая Н. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Там же, 2001, № 2, с. 23–30.

беральное крыло политического спектра, и политиков типа Жириновского. Но по мере укрепления авторитаризма, подчинения СМИ государству, девальвации избирательных демократических процедур, роста коррупции и проч. все более очевидной стала ситуация ценностных дефицитов, усилилась роль партикуляристских, в этом смысле домодерных, традиционных ценностных ориентиров, что сопровождалось массовым подъемом низовых, архаичных настроений и представлений, равно как и стремлением кремлевских политиков инструментально использовать подобные настроения*. После того последовал период, отмеченный резким ростом поддержки «путинской вертикали» в молодежной среде, сохраняющейся и по сей день.

Не надо забывать о том, что «путинская молодежь», поколение, активная социализация которого пришлась на первое десятилетие 2000-х, это «дети» 20–30-летних современников перестройки и гласности, начала либерально-демократических и рыночных реформ, и внуки 40–50-летних «прорабов перестройки». В отличие от наиболее образованного слоя, «интеллигенции», сохранявшего по меньшей мере до начала первой чеченской войны (декабрь 1994 г.) и даже до президентских выборов 1996 года надежду на удержание демократического вектора перемен и реформ (в начале 1990-х правительство Гайдара поддерживалось не менее одной пятой взрослого населения), основная часть взрослого населения страны, после недолгого периода надежд на быстрые перемены, погрузилась в состояние глубокой фрустрации, растерянности и раздражения, вызванного чувством заброшенности и оставленности государством. Отношение к переменам не связывалось у большинства с идеями будущего развития, движения к общему благу, идеалами свободного и демократично-

* См.: Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого // Мониторинг общественного мнения, 2003, № 1 (67), с. 28–44; он же: Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения, 2005, № 2 (76), с. 43–62.

го общества, самостоятельности, освобождения от диктата и контроля государства, установками на профессиональное достижение, качественное образование и квалификацию как пути социального продвижения, а осознавалось как «выживание». Эти коллективные установки активизировали традиционный для советского и российского человека комплекс жертвы, лишенный идеального смысла, но запускавший компенсаторные механизмы коллективного самовозвышения и самоутверждения: ностальгию по советскому прошлому, тоску по «сильной руке» и т. п., вытесняя тем самым память о собственном опыте советской жизни и не допуская его последовательного осмысления и оценки.

На таком негативном фоне молодые — их оптимистичные настроения, оценки происходящего, их более «демократичные» взгляды — задавали некий положительно окрашенный «горизонт будущего» в изучаемом социуме.

В представлениях большинства населения от накативших на страну перемен выиграли либо люди нечестные — жулики, спекулянты, преступники, мафия (те, кто нарушал нормы «советской морали», что было и защитной реакцией большинства на экономические перемены), либо люди, имеющие власть или близкие к ней. Более половины россиян считали себя проигравшими в ходе реформ, людьми без будущего. Неясная, смутная надежда начального периода трансформаций на другую жизнь «для таких, как я», скоро обернулась разочарованием, растерянностью, новым ощущением принудительности жизни и зависимости от внешних обстоятельств. Понижающая стратегия адаптации, переживаемой и расцениваемой как «выживание», получала свою осмысленность как жизнь ради семьи, в первую очередь детей. Отказ от будущего для себя ради лучшего будущего молодых поколений как бы компенсировал ощущение собственной неудачи, слабости, недооцененности и фрустрации от нереализованности притязаний. Вместе с тем он вменял будущему поколению благодарное признание этой «жертвы»: поколение родителей на нее определенно рассчитывало.

Пассивное приспособление к переменам со стороны подавляющего большинства взрослых, понижение собственных запросов и ожиданий вели к общему сужению и упрощению представлений о «будущем» и «прошлом», к концентрации на решении повседневных проблем, «борьбе» с повседневным, хотя уже и не советским бытом.

Так или иначе, публичная критика прошлого, советской системы в конце 1980-х — начале 1990-х годов оказалась практически не востребованной социумом, не стала отправной точкой для ценностных трансформаций институтов социокультурного воспроизводства, процессов социализации — от семейного воспитания и образования до гражданского и политического участия. Для современной молодежи, как и для общества в целом, переосмысление советского прошлого и его истории, понимание устройства советского общества, в котором выросло, социализировалось большинство нынешнего населения, полностью перестали быть значимы.

Молодежь, быстро, за довольно короткие сроки (хотя бы просто в силу больших ресурсов энергии и пластичности) адаптировавшаяся к социальным и политическим переменам, противопоставлялась массе дезориентированного, «выбитого» из привычной колеи населения, недовольство которого использовали в своих политических играх партии левого или национал-патриотического толка. Возникло парадоксальное явление: молодежь, воспринимаемая другими возрастными группами как носитель нового, новых ценностей, с течением времени и сама стала относиться к себе как к группе, поколенческой когорте, более «ценной», чем другие поколения или группы, не прилагая для этого каких-либо особых усилий, не ознаменовав себя в социальном плане особыми достижениями. Молодежь воспринимала свои «привилегированные» позиции скорее как нечто закономерное, получив в руки в «готовом виде» свободы и возможности, ранее недоступные людям старшего возраста, а потому относясь к ним не как к ценностям, а как к само собой разумеющимся условиям индивидуального существования. Незаслуженный, даровой харак-

тер этой оценки блокировал как для самого общества, так и для молодых людей необходимую работу по рационализации задач модернизации, переоценке прошлого; усилия, связанные с пониманием, восприятием, усвоением новых для российского общества идей, правовых представлений, ценностей; осознание ответственности, в том числе и гражданской, выработку форм социальной солидарности.

В постсоветском обществе так и не возникло ценностного конфликта поколений, «работа» с которым могла бы стать условием и способом реальных общественных трансформаций. Непроблематизированной, непроработанной, неосознанной осталась вся совокупность проблем, унаследованных от советского прошлого. Главное, что смогло предложить поколение родителей своим детям, это опыт выживания и адаптации, усвоенный в советское время. Переломный этап в жизни страны был прожит почти исключительно на «старом багаже» идей и ценностей.

Если прозападные, либерально-демократические, пусть и декларативные установки (не поддержанные институциональными демократическими трансформациями в различных подсистемах общества, прежде всего в образовании, науке, культуре) были поначалу, на рубеже 1980–1990-х годов, заметнее выражены именно среди молодежи, то постепенное вытеснение проблемы гражданских прав и свобод, соблюдения закона на периферию групповых интересов и публичной сферы сменилось ростом нетерпимости, агрессии по отношению к «другим», социально или культурно чуждым группам, ксенофобии, национализма не только в обществе в целом, но и особенно среди молодых. Озабоченность этими важнейшими для формирования гражданского общества и демократии ценностями высказывают, по данным ряда опросов, не более 7–10% молодых россиян, тогда как безучастность по отношению к сворачиванию публичного пространства, сужению возможностей политического участия и влияния сопровождается у сегодняшней российской молодежи самой высокой, в сравнении с другими поколениями, аккламацией «путинского режима».

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА: АНОМИЯ И ПРОБЛЕМА «ДЕФЕКТНОЙ» СОЦИАЛИЗАЦИИ

Нынешние молодые люди (15–35 лет) оказались поколением, следующим не только за уходящими «шестидесятниками», современниками «хрущевских реформ», но и за поколением, входившим в активную жизнь в эпоху брежневского безвременья и застоя, закончившегося перестройкой, временем молодости их родителей и тех, кого они привыкли считать своими авторитетами, национальными «лидерами», — руководителей страны. Брежневский застой был средой жизни их родителей, для которых закат империи и атмосфера безвременья, советского разложения были естественными, нормальными условиями существования, системой нормативных координат.

Новое поколение, пришедшее уже после краха советской системы, «свободно» как от либеральных иллюзий и напрасных ожиданий, так и от чувства горечи и инфантильных разочарований. Но его смысловой горизонт узок, поскольку ценностное пространство задано простыми координатами — по преимуществу развлекательными медиа, массовой культурой и глянцем, магическим миражом «больших денег» как самым общим показателем успеха и статуса в нынешних условиях массовидного общества. Наступившее время стало для молодежи девяностых–нулевых годов временем самоутверждения, нарастающего довольства жизнью («страна никогда не жила так хорошо, как сейчас») и самодовольства, возникающего, помимо прочего, благодаря сравнительно невысокому потолку притязаний и относительной доступности средств их осуществления при отсутствии больших идей и перспектив.

Правильнее было бы назвать его постаномическим поколением, в определенной мере унаследовавшим опыт институционального разложения советской системы, процесс которого не закончился и в настоящее время, более того, последствия которого будут ощущаться еще как минимум 30–40 лет. Однако для наших целей следует принимать во внимание наиболее интенсивную и важную фазу этого разложения, начавшуюся в конце 1980-х годов и продолжавшуюся практически все 1990-е годы. Именно этот период был ключевым для понимания особенностей самосознания и трансформации идентичности родителей нынешнего поколения молодых, от опыта и баланса удач и поражений которых нынешние молодые люди отталкиваются.

Аномия, то есть разрушение системы базовых ценностей и норм, действительно захватила российское общество. Показатели социальной дезорганизации (преступность, в том числе такие формы девиантного поведения, как антимигрантская агрессия, расизм, нацизм, вандализм, самоубийства, алкоголизм, наркомания) в 1990–2000-е годы заметно помолодели. Особенно это касается таких классических показателей аномии, как самоубийства. В отличие от западноевропейских стран, где суицидные пики приходятся на старшие группы, точнее — на пожилых мужчин, в России суицидальным поведением характеризуются главным образом люди самого активного и трудоспособного возраста — 25–45 лет, а по самоубийствам среди подростков Россия вышла на «первое» место в мире. 80% всех преступлений в России совершаются людьми до 35 лет, с невысоким уровнем образования и дефектами семейной социализации (родители алкоголики, неполные семьи, конфликты в семье, брошенные дети). Учитывая массу совершаемых преступлений, приходится говорить о том, что каждый пятый-шестой мужчина в России имеет сегодня лагерный опыт, то есть знаком с тюремной субкультурой и «моралью».

Особые напряжения характерны для полярных в социальном плане групп населения — депрессивной среды социальной периферии (сел, малых городов) и самых активных групп — предпринимателей, особенно занятых в малом бизнесе, где давление коррумпированной бюрократии и

административной системы ощущается сильнее всего. То же можно отнести к молодежи, которую, как показывает опыт предшествующих исследований, можно рассматривать как «общество в обществе». Оно устроено так же, как «большое» общество, здесь есть свой центр и своя периферия, свое «социальное болото»; как и в обществе в целом, мы наблюдаем здесь по мере социального расслоения и относительного роста благосостояния значимость таких социально-психологических реакций, как зависть, озлобление, чувство относительной обездоленности. Эти последние не только способствуют росту и распространению девиантного поведения, но и создают социальную базу для публичных форм агрессивной «самоорганизации» — от «нашистов» до бунтующих футбольных фанатов и фашистских и расистских группировок*.

В массе своей, конечно, аномическое поведение характерно главным образом для провинциальной молодежи (а также низовых слоев в крупных городах, эквивалентных ей по типу культуры), где социальные противоречия и контрасты между достатком и богатством немногих, быстро набирающих социальный вес и капитал, и отсутствием ресурсов у большинства особенно сильны и заметны. Но аномия захватывает и прямо противоположные группы — самых активных и дееспособных граждан: каждый шестой предприниматель в России «сидит», будучи осужденным (в большой степени — по сфабрикованным правоохранительными органами вместе с конкурентами делам, но не только). Вне зависимости от степени правоты или реального правонарушения такой опыт, приобретаемый наиболее предприимчивой, инициативной частью населения, не может не отражаться на моральном состоянии общества в целом.

Аномия захватывает самые разные категории социума, но с разной степенью интенсивности. Сельское население испытывает ее в гораздо

* В структуре «малоимущих», согласно Российскому статистическому ежегоднику, молодежь (16–30 лет) в 2004–2006 годах составляла 26%, среди «крайне бедного населения» — 27%, что заметно выше их удельного веса в населении (14%).

большей мере, поскольку в этой среде, и особенно у оставшейся там молодежи, нет перспективы, ресурсов, а главное — мотивации для выхода из подобной ситуации. Социальная деградация в сельской местности носит самый глубокий и, скорее всего, необратимый характер. Об этом убедительно пишут в своих работах многие специалисты по экономической географии (Н. Зубаревич, Т. Нефедова) и социологи (например, Н. Покровский).

Особенно тяжелой по последствиям предстает при этом деградация смысловых, ценностных и моральных (профессиональная этика) оснований в институциональной системе образования — от школы до университетов. Речь идет о девальвации всего, что связано с наследием Просвещения и культуры, не о мертвом наследии, а о механизмах поддержания значимости тех ценностей, которые определяют наиболее сложные формы социальной организации — мотивацию научного познания, высокий смысл литературы, морали, человеческой солидарности и свободы. Сегодня в России нет таких групп, которые олицетворяли бы собой, в своем социальном поведении ценности метафизики (познания, добра и т. п.). Почему это так, это отдельная тема. Но практически это означает полное отсутствие соответствующей мотивации у студентов даже лучших вузов, ориентированных в первую очередь на адаптацию: хорошо оплачиваемую, но не обязательно интересную работу в коммерческих или бюрократических структурах, а соответственно, подгонку получаемых знаний и навыков к адаптивному проекту жизни и биографии. И в школе, и в вузах смысл и значение получаемого образования резко снизились. Российский вуз сегодня — не храм и не место передачи высокой культуры, а рутинное учреждение по натаскиванию студентов для получения «корочек». Жизнь мыслится молодыми людьми как не зависящий от знаний поток, как то, что не имеет отношения к обесцененным, ходульным шаблонам и умениям, выносимым молодежью из вуза. Значительная часть студентов (около 40–45% по разным замерам) уже в вузах знает, что они будут работать по другой специальности и в другой сфере, а это означает снижение потолка запросов и требований как к преподаванию,

так и к собственной учебе, оправдание своей неготовности к серьезной и основательной учебе избыточностью преподавания, хоть в какой-то мере ориентированного на фундаментальность.

Такая установка была значительно распространена в студенческой, даже в университетской среде еще в 70-е годы, когда гуманитарные факультеты постепенно сползали к уровню педвузов или педучилищ, чему в значительной мере способствовала система обязательного распределения после учебы, идеология которой сложилась еще в эпоху форсированной советской модернизации. И сегодня в российском обществе (экономике, науке, социальной жизни) успех, а соответственно, доходы, социальное положение, влияние и авторитет не определяются образованием, личной компетенцией, квалификацией. Иными словами, «достоинства» определяются чиновниками или иерархией (чтобы заслужить их поддержку, надо приспособиться), а не более сложными системами квалификации и стимулирования — открытым рынком, профессиональным сообществом, обществом в широком смысле слова, его разветвленными и многократно опосредованными связями. Поэтому чем ниже или проще запросы и ожидания, чем меньше убеждений, тем быстрее в учебе и работе усваиваются именно навыки халтуры и приспособленчества, терпимость к серости, правила «не высовывайся» и «не парься». Отсутствие реальной конкуренции и соперничества за общественное признание компенсируется соперничеством за признание власти (в лице начальства и чиновника), пустым (не порождающим новых смыслов) самоутверждением, коррупцией и снижением продуктивности работы в любых областях занятости. Иначе говоря, работает механизм приспособления, понижающей адаптации, а не развития и повышения качества труда, достижения высоких целей, инновационности.

Это не случайность и не следствие исторической «зависимости от колеи» (path dependency), а результат незавершенности трансформации институциональной структуры советской тоталитарной системы. Центральные ее институты (вертикальная конструкция власти, зависимые от исполнительной ветви парламент и суд, политическая полиция, право-

охранительные органы — МВД, прокуратура, следственный комитет, а также армия, система образования, наука, СМИ) сохраняют прежний тип организации. Власть, не подчиненная общественному контролю и лишь имитирующая принцип разделения властей, функционально не дифференцированная, выстроенная сверху вниз, когда вышестоящие инстанции подбирают себе удобных и управляемых исполнителей, резко противостоит другим институтам — рыночной экономике, конкуренции в отдельных сферах общественной жизни и т. п. Конфликт определяется тем, что ценностная, смысловая основа репрессивных и господствующих институтов власти построена на архаических, квазитрадиционалистских символах и значениях: приоритетность отношений господства-подчинения, иерархическая система социальной стратификации, основанная на доступе к статусу, а не на достижении, имперская культура позапрошлого века с ее геополитическими представлениями о реальности, изоляционизмом как тактикой отношений с окружающим миром, этнократией, этноиерархией, базирующейся на привилегиях и исключениях, обмане как принципе взаимодействия с другими и проч. Именно консервативное воздействие этих старых силовых или репрессивных институтов на новые области общественного взаимодействия, вышедшие из-под тоталитарного контроля, саморегулирующиеся, внутренне автономные, то есть ориентирующиеся на негосударственные ценности и приоритеты, оказывают разлагающее воздействие на молодежь, поскольку она чувствительнее других групп воспринимает насилие в качестве кода социальности и болезненнее реагирует на ложь и двоемыслие господствующих отношений.

Перечислим важнейшие черты данной фазы аномии и социально-культурной деградации или дезориентации (конец 1980-х — 1990-е годы):

1. Разложение коммунистической системы, крах номенклатуры, разрушение или отказ от функционирования центра планово-распределительной экономики и тоталитарной системы управления, контроля и идеологической пропаганды и воспитания. Спад производства, задержки зарплаты, рост цен, снижение уровня жизни при одновременном про-

цессе дифференциации и появлении новых моделей потребления и ценностных ориентиров, новая роль ТВ (в меньшей степени — других СМИ), разложение системы стратификации и иерархии статусов системы с одновременной эрозией прежнего порядка гратификации и ориентиров;

2. Идея собственности как права распоряжения или захвата через приобщение к власти — не заслуга и не достижение, а гратификация, награда за лояльность;
3. Появление компенсаторных механизмов значимости коллективного целого, не свободы, а именно приобщенности к более простому и недостижительскому, квазиаскриптивному целому (например, мы-русские, мы-православные), акцентирование как бы архаических, а на самом деле лишь маркируемых как архаические, но, и это главное, более примитивных и простых, точнее, упрощенных стандартов идентичности и фундаменталистских скреплений их, мифов этнонациональной идентичности, основанной на исключении (особости, закрытости и непостижимости для других), а не на включении;
4. Эрозия, или аномия, происходит за счет того, что «новые» образцы поведения, прежде всего потребления, оказываются наградой не за инновационное поведение и достижения (изобретательность, прилежный труд, интенсивную работу, эффективность в конкуренции с прежними формами), а за счет лояльности к власти, ставшей воплощением архаического и недостижительского распределения ресурсов, иерархического признания ценности человека;
5. Оказались поставленными под сомнение многие идеологические символы и категории, часть из них безнадежно ушла в прошлое. Институты, которые обеспечивали ретранслирование этих символов и представлений (школа, пропаганда, армия, социальная иерархия, топонимика), оказались частично разрушенными или дезориентированными. Их заменили не идеи открытого общества, а мифы более низкого уровня культуры — этноконфессионального происхождения и особого

положения, фигура спасителя, дихотомия мира, разделенного на своих и чужих, изоляционизм, враждебность по отношению к «чужакам», насилие как способ организации социальности и прославление этого насилия, в том числе воинской доблести как опорного элемента национальной традиции, героической истории. Это влечет за собой утверждение культуры антиинтеллектуализма, падение интереса к политике, участию, дискредитацию демократии, утверждение «нормальности» цинизма, возрождение трибалистских примитивных связей и настроений, воинственной ненависти к «другим». Парадокс заключался в том, что хранителем общих коллективных символов и представлений могла быть (а по многим решающим параметрам, относящемся к ядерным значениям, к конституции «всего целого», и сейчас остается) только власть. Ее сохраняющаяся по сей день архаическая и примитивная организация стерилизовала, подавляла стремление к более сложным формам гратификации и солидарности, основанной на достоинстве сделанного, а не на распределении, захвате, присвоении, на свободе, а не назначенности сверху;

6. Сочетание зависти, неконтролируемой агрессии с недоверием к сложным формам организации или мысли, солидарности и достижения, соответственно — недоверие к гражданскому обществу, любым добровольным, а не принудительным (образованным «через власть», через иерархию) ассоциациям и связям;
7. Крайне важной здесь является деструкция исторического сознания и стерилизация исторического знания, получаемого через школу или через специальные каналы просвещения и образования, через литературу и т. п.

Дискредитация опыта и, главное, ценностей старшего поколения, не добившегося в материальном плане значимых успехов ни по советским меркам, ни по меркам потребительского общества, приводит к резкому сужению интеллектуального и морального горизонта молодых россиян, сознанию (неоправданного) чувства собственного превосходства, под-

тверждаемого более высокими доходами молодых горожан, жителей крупных или, еще точнее, крупнейших городов, их навыками владения новыми технологиями и информационными каналами, усвоением новых потребительских стандартов. Очень важными здесь являются невежественная спесь и приверженность к общепринятым мнениям. Во-первых, молодые люди не в состоянии их критически оценивать (среди прочего потому, что у них самих нет навыков интеллектуальной рефлексии, поскольку в социуме нет соответствующих примеров серьезных моральных или социально-критических дискуссий). Во-вторых, дело здесь в самом механизме трансляции подобной информации, шаблонов представлений и интерпретаций: для подавляющего большинства и молодых, и взрослых россиян они передаются сегодня исключительно по массмедийным каналам, причем устроенным так, что они не подразумевают, более того — не допускают отстранения и рефлексии (подчеркнем, это отнюдь не специфика массовой культуры, а следствие периферийной организации СМИ в авторитарном социуме консервативной модернизации).

РАЗЛОЖЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ НИЗОВОГО РЕССЕНТИМЕНТА ДО ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ЭСКАПИЗМА

На протяжении 2000-х годов опросы общественного мнения фиксировали значительное сокращение постоянных аудиторий всех типов печатных изданий (особенно журналов и газет) и рост числа людей, вообще обходящихся в своей повседневной жизни без «печатного слова». С начала 2000-х происходил обвальнй спад интенсивности чтения печати (особенно газет, меньше — журналов), стремительно сокращалась аудитория постоянных читателей газет среди населения в целом, но в особенности среди молодежи (и по субъективным оценкам «включенности» в чтение газет, представленным на рис. 1, и по более формальным оценкам частоты чтения — табл. 1а).

Очередная фаза заметного падения интереса к периодической печати (за точку отсчета мы берем ситуацию гласности и перестройки, начала реформ, когда в начале 1990-х годов ежедневные и еженедельные общеполитические и «общенациональные» газеты ежедневно читало около 60% взрослого населения, а общественно-политические и «толстые» литературные журналы, регулярно публиковавшие публицистические статьи, переживали расцвет, издавались многомиллионными тиражами и раскупались нарасхват) приходится на 2000-е годы, в особенности на период с 2005 по 2008-й, когда показатели социального самочувствия населения, оценки разных сторон собственной, «частной» жизни обрели устойчивый позитивный тренд. Принципиально важным является именно крах популярной в конце 1980-х — начале 1990-х годов общественно-политической периодической печати. Значительная часть газетной и журнальной публики («общества») переключалась в это время на местную печать (что отражало

Рисунок 1

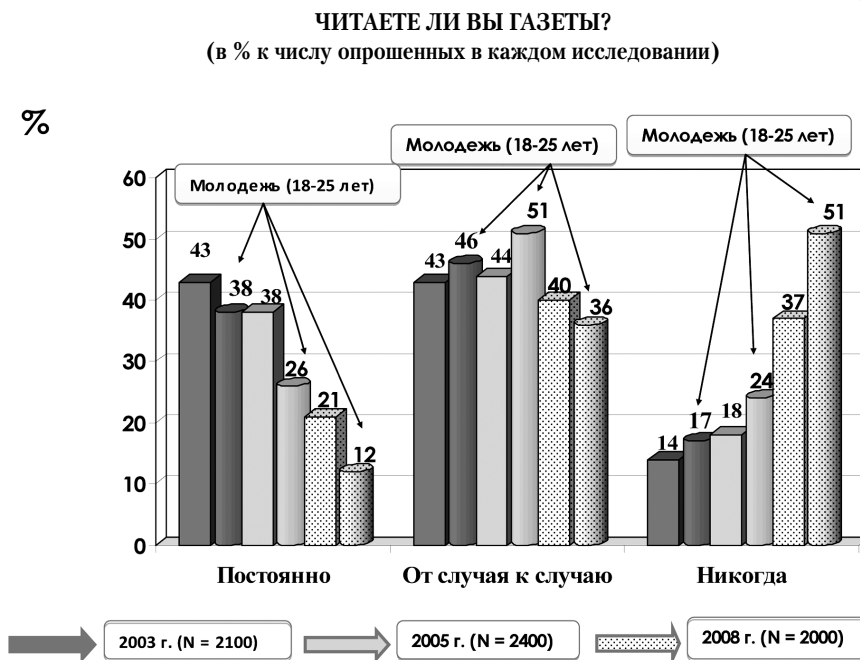

Таблица 1а

КАК ЧАСТО ВЫ ЧИТАЕТЕ ГАЗЕТЫ? (в % по столбцу)*

Варианты ответов	Август 2009		Август 2010	
	В среднем по выборке	Группа 18-25 лет	В среднем по выборке	Группа 18-25 лет
Постоянно	11	5	11	10
Время от времени	50	47	46	40
Редко/практически никогда	40	48	39	50

* Частотная шкала ответов на вопросы приведена в примерное соответствие с шкалой, представленной в рис. 1: «Постоянно» соответствует в данном случае ответу «Ежедневно / Почти ежедневно»; 2. Ответ «Время от времени» представляет сумму выбора ответов «2-3 раза в неделю» и «1 раз в неделю»; 3. «Редко» / «Практически никогда» – сумму выбора вариантов «1-3 раза в месяц», «Реже, чем раз в месяц», «Практически никогда / Никогда».

процессы децентрализации власти и утраты у массового читателя общего горизонта событий, происходивших в стране), а также на все более «желтую» печать, закреплявшую растущую растерянность, фрустрацию и страхи массового читателя, теряющегося в ходе обвальных реформ и разложения прежнего «стабильного» уклада жизни.

Таблоидная печать, как и поначалу в значительной своей массе переводная литература популярных жанров (переводная, а следовательно, «вырванная» из контекста, в социологическом смысле теряющая социальные функции, которые она выполняет в современном западном обществе), «работала» на закрепление упрощенного понимания идущих в стране сложных социальных, экономических и политических процессов, которые с кризисом журнальной и газетной, а также — что особенно важно — телевизионной «серьезной» журналистики, аналитики и профессиональной экспертизы, все больше воспринимались массовым сознанием как катастрофические, непрозрачные и разрушительные, в которых «обычный человек» имел исключительно страдательную роль. «Советский человек» жил в привычном ощущении зависимости от не выполняющего своих обязательств государства, а вместе с тем обиды на него и обреченности на выживание в одиночку. Происходил постепенный процесс отказа читательской публики от более сложного понимания и анализа политической, экономической, социальной и культурной жизни постсоветского общества, а значит, и от осмысленного участия в ней, возможности на нее влиять. В широких слоях населения нарастали явления политической, социальной, культурной самоизоляции, в частности массовой ксенофобии, идей «особости» «нашего человека» и «особого пути» России, набирали силу антизападные настроения, опиравшиеся на растущий неотрадиционализм или становящееся постепенно повальным демонстративное обращение к православию, противопоставляемое рациональному пониманию современного общества.

Крах общенациональной периодической печати связан и со слабостью элит, их неготовностью удерживать высокую планку соответствия вызовам сложнейшего времени трансформаций советского тоталитарно-

номенклатурного режима, и с неготовностью общества к проработке, продуктивному пониманию как нового, так и прошлого опыта. Главное, газеты утратили основную для формирования и функционирования общества функцию межгрупповой коммуникации на основе распространения авторитетных мнений, в отличие от Интернета, где нет ни публичности, ни значимых авторитетов.

Отказ от чтения общенациональных газет и журналов, уход в чтение таблоидов или, на другом полюсе, глянцевого, гламурной печати — это важнейший признак отторжения социальной и политической реальности дезадаптированным социумом, отказ от деятельного участия и активного влияния на процессы. Все это, вместе с приходом новых «прагматичных», циничных в своем отношении к «потребителю» информации медийных элит, ускорило и упростило процессы восстановления государственного контроля над главными СМИ. В итоге произошло сокращение числа альтернативных, независимых источников информации, введение негласной цензуры как в информировании о событиях, так и, в особенности, в их анализе, оценке, интерпретации, возрождение «внутренней» цензуры у журналистов, а в конечном счете — сворачивание свободы прессы и ограничение доступа населения к информации, что, впрочем, было принято большинством весьма равнодушно. Но эту позицию, свидетельствующую о девальвации свободы слова, заняла и наиболее продвинутая молодежь, которая полагает, будто при желании любую информацию можно найти в Интернете.

Нынешнее поколение молодых россиян социализировалось в значительной мере именно в этот период. И если поколение их родителей и в особенности бабушек и дедушек еще хотя бы в силу инерции советских времен более или менее постоянно следили за прессой, то для молодых это занятие, так или иначе интегрирующее общество, не имеет прежнего смысла. Характерно, что очередной обвал интереса к печати происходил на фоне относительного улучшения благосостояния, которое было связано с кумулятивным эффектом постепенного роста доходов на протяжении 2000-х годов, и сопровождался почти безоговорочным принятием большинством населе-

ния авторитарной системы правления, приспособлением к ситуации, когда государство практически полностью ушло из социальной сферы и — вместе с отказом от политических альтернатив — устранилось от ответственности за проводимую политику. Наряду с крахом свободной прессы стоит обратить внимание в этой связи и на крах попыток конца 1980-х — начала 1990-х годов построить многопартийную систему, которая могла бы артикулировать и отстаивать интересы различных социальных групп и слоев населения. Вместо этого в стране был сформирован «ручной», декоративный парламент, полностью обесценивающий идею народного представительства, а следовательно, и политического участия в самой массовой его форме — реализации избирательного права. Политическая ответственность государства перед обществом заменилась популистской риторикой и мелкими демонстративными подачками социально слабым группам населения. Прежде всего это относилось к пожилым и «бюджетникам», зависящим от «государственного довольствия», а также военным, но не к молодежи, ответственность за здоровье, воспитание и социализацию которой (при возрастающей платности образования, упадке системы дошкольных учреждений, глубоком кризисе средней школы, расширении платности медицинских услуг и т. п.) была практически полностью переложена на семью.

Объектом политического внимания власти и государства молодежь России стала после череды «цветных» революций, прежде всего «оранжевой революции» на Украине, панически воспринятой российской властью и близкими к ней группами. На повестку дня политтехнологической кремлевской «обслуги» встали задачи вписать молодежь в существующую социально-политическую систему и предотвратить рост напряжения в обществе, особенно среди молодых россиян, то есть блокировать любую возможность самоорганизации и оформления социального протеста по украинскому образцу. Эффект западной поддержки демократически и либерально настроенных слоев общества был на Украине гораздо большим, чем в России; лидерами противостояния на Майдане в значительной мере были именно молодежные организации демократической направлен-

ности и студенчество, задавшие гражданственную тональность важнейшему в постсоветской истории акту противостояния народа произволу властей и не давшие тогда выйти на первый план националистически и консервативно настроенным слоям украинского населения.

В России с середины 2000-х активно заработали кремлевские политтехнологические проекты создания и последующей поддержки «политически» ангажированных молодежных движений от «Наших» до «Молодой гвардии» и «ДПНИ». Их питательной средой была, прежде всего, утратившая ценностно-нормативные ориентиры анонимизированная молодежь — провинциальная и/или периферийная в социальном смысле. Это было поколение молодых люмпенов или деклассированных жителей малых городов либо аналогичных слоев населения крупных городов, экономически и социально депрессивная полугородская-полуслободская среда, подобная той, что обеспечила в 1993 году скандальную победу ЛДПР на думских выборах, а также «новый комсомол» — молодежь, ориентированная на номенклатурную карьеру любой ценой.

Напомним, что Жириновский к середине 1990-х годов легализовал в публичном пространстве — сначала для упомянутой анонимизированной молодежи, а затем и для всех «низов» или «социальной периферии» российского социума — язык ненависти и вражды: новые формы шовинистической, ксенофобской, имперской и агрессивной-националистической риторики. Именно тогда санкцию «сверху», пока еще не «высшую», а уже идущую от самого актора, допущенного к «верхам», впервые получили чувства, связанные с советским и постсоветским опытом насилия, ценностной дисквалификации и символического уничтожения «другого». Подобный опыт, накапливавшийся из поколения в поколение на протяжении всего советского и постсоветского периода, практически не получил ни политической, ни интеллектуальной, ни правовой проработки, артикуляции и оценки в постсоветском обществе. Опыт пассивного претерпевания насилия, вытесненный в подсознательное (в терминологию немецких психоаналитиков Александра и Маргарет Мичерлих — «дереа-

лизация» опыта жизни в условиях тоталитарного общества), постоянно дает о себе знать на различных фазах жизни постсоветского общества, с одной стороны, выбросами или тлеющим, латентным состоянием негативных эмоций и страхов, фрустрации, низкой агрессивности и рессентимента, то есть чувства обиды, вражды, а с другой — всплесками необоснованных надежд и ожиданий лучшего будущего, как правило, связанными с моментами кризиса или передачи власти. Именно эти настроения и чувства стоят за тем, что Ю. Левада называл «возбужденным состоянием» общества. Они в скрытой форме присущи подавляющей части россиян, и именно в среде молодежи, еще не вписанной в общество, они становятся заметнее.

В конце 1980-х — начале 1990-х молодежь в СССР была в наибольшей мере открыта Западу, демократична и либеральна, толерантно и интернационально настроена, еще не затронута (или на короткое время защищена культурным запасом, накопленным советской интеллигенцией) теми ксенофобскими и националистическими настроениями, которые распространились в России позднее. Эти настроения, нарастая в низах и на периферии общества (что в социологическом смысле одно и то же), отметили следующую фазу пассивной адаптации населения, глубоко фрустрированного распадом Союза и обвальными реформами в начале 1990-х годов. Поколение отцов и дедов сегодняшних двадцатилетних стало все больше погружаться в ностальгию по советскому прошлому со всей сопутствующей мифологией защищенности, стабильности, даже достоинства советской жизни. Этой значительнейшей перемене общественных настроений от надежды к отчаянию, от недолгого прорыва чувства униженности и недостойности прежнего существования к всплеску надежд на более достойную жизнь времен перестройки и гласности, от чувства потерянности и заброшенности в начале реформ к последовавшей за этим тоске по прошлой, понятной жизни в весьма высокой мере способствовала массовая интеллигенция советского образца. Она быстро уступила свои позиции как в культуре, так и в

политике новой или уцелевшей в новых условиях политической и культурной номенклатуре*.

Настроения усиливающейся ксенофобии и рессентимента становились картой в борьбе политической номенклатуры за власть и все больше санкционировались властями, принимая тем самым открытую, «публичную» форму, будь то циничное использование Жириновского как «политического клоуна», а Зюганова — как пугала коммунистическим прошлым.

Тривиализация зла исходила как от властной элиты, так и интеллектуальной: вспомним прежнее НТВ и «Итоги» Киселева, имитировавшие в прямом эфире политические дискуссии между партиями, работающими, по словам одного из респондентов, в «пределах Садового кольца» (как будто зрители без серьезного и длительного анализа экспертов, без бескомпромиссно критичных и аналитичных СМИ могли тут же разобраться сами, где добро, а где зло). Возвращение советского прошлого предлагалось в форме как бы невинных «Старых песен о главном», а затем и советских символов. Шла политическая игра с церковной номенклатурой, нацеленная на придание власти дополнительных источников легитимации. Разворачивалась война со своим народом в Чечне. Поднималась новая волна антизападничества, направленная прежде всего на «внутреннее употребление» (на поддержание «разгрузочных» механизмов нарастающего изоляционизма и ксенофобско-националистических настроений, поиска врагов и виноватых в «наших бедах»), маскировавшая экономические и властные интересы бюрократических клик и срастающегося с ними крупного бизнеса внутри страны и за ее пределами. Конфронтация с силовиками и спецслужбами, начавшаяся при

* Достаточно вспомнить, насколько громкими были в начале 1990-х годов сетования деятелей культуры и науки, советской «интеллигенции», то есть теряющей свои позиции и функции образованной бюрократии, по адресу государства, которому она в своем большинстве верно служила и которое теперь бросило науку, культуру, образование, а по сути ее саму, на произвол судьбы, — как будто бы этот «уход государства» и был главной причиной разложения институтов культуры и систем ее воспроизводства.

Ельцине, закончилась для «либеральной» политической и экономической номенклатуры окончательной сдачей позиций. В этих условиях росла и возмужала нынешняя молодежь и выживало поколение их родителей.

Неудивительно, что к концу первого десятилетия 2000-х годов именно молодежь проявляет особенно сильные антимодерные установки — антизападные, националистические и ксенофобские настроения, с одной стороны, и готовность к поддержке высшей власти (отказ от политической альтернативы и выбора), с другой. Соединение подобных ориентиров и оценок стало теперь яркой чертой в портрете среднестатистического молодого человека нынешней России.

Общество, как и молодежь в целом*, в массе своей удовлетворено относительно расширившимися потребительскими возможностями и приняло ситуацию своего политического, социального и гражданского бесправия с привычной для «советского человека» покорностью и терпением. Но это не означает, что население в целом и молодежь в частности довольны тем, что происходит во власти, в сфере экономики, в образовании, здравоохранении, ЖКХ и т. п. Недовольство значительно и постоянно, но оно носит латентный характер, прорываясь время от времени лишь в неорганизованных и стихийных бунтах или всплесках низового насилия, в формах, которые Ю. Левада назвал в свое время (после стихийных протестов старшего поколения, связанных с монетизацией льгот) «восстанием слабых», или, добавим, — в виде дичающих или одичавших молодых людей, собравшихся на Манежной площади и готовых громить все вокруг.

Нарастание этих размытых и особенно ощутимых на «периферии» общества настроений недовольства, унижения, бесправия сопровождается безотчетной, порой сильнейшей завистью, глухой злобой, ненавистью к более при-

* Среди которой также можно выделить свою «социальную периферию» — низкодоходные группы с ограниченными ресурсами социального продвижения (прежде всего образовательными, культурными, «статусными», точнее даже — потребительскими), более многочисленные в экономических депрессивных регионах и зонах, но весьма заметные и в промышленно развитых крупных городах, даже в двух «столицах».

способившимся, успешным, вписавшимся «в систему», в иерархические, коррупционные структуры власти и бизнеса («чиновникам», «богатым», «бизнесменам», «политикам», «золотой молодежи») и выливается в неприязнь и агрессию, в том числе направленную на «чужаков», «приезжих» и проч. Выступления на Манежной площади в конце 2010 года, рост проявлений насилия, выплескивающегося не только на этнически или расово «чужих», но и на «близких» (соседей, друзей) именно среди молодых россиян можно рассматривать как преобладание в обществе *низовых*, «стихийных» (не организованных) аномических форм действия. И что не менее характерно, недовольны при этом не только «низы» или социальная периферия общества, но и обеспеченные, социально активные его слои — молодые и относительно успешные горожане, довольно хорошо образованные, мобильные, то есть те, кого можно, хотя и весьма условно, отнести к российскому «среднему классу», например, по ориентации на западный образ или стиль жизни. Для этого меньшинства молодежи прежде всего важны интенсивная деловая активность и статусное (или демонстративное, знаковое) потребление.

Такая молодежь испытывает желание жить в «нормальном» обществе и все чаще в последние годы, пусть на декларативном уровне, высказывает желание навсегда или на неопределенное время уехать из России туда, где жизнь человека ценится превыше всего, где люди равны перед законом, права защищены конституцией и независимым судом, у индивида есть возможность индивидуального выбора, а его свободы — социальная и политическая реальность, а не отвлеченные мечты. Такие настроения характерны для значительной части постсоветского общества (по меньшей мере для 30–40% взрослого населения), но, наверное, в особенной степени — для самых молодых, не имеющих опыта приспособления к государственному произволу и насилию, характерного для старших поколений нынешнего российского социума*.

* О проблеме «утечки умов» и реальном положении дел в этой сфере см.: Гудков Л. Пустая страна // Новая газета, 2011, № 74, с. 15–19.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сегодня, как и на протяжении последнего десятилетия, особый интерес для нас представляет городская молодежь, прежде всего та, что живет в крупных городах и столицах, — наиболее образованная, обеспеченная и вместе с тем вписанная в сложившуюся институциональную систему, адаптировавшаяся и адаптирующаяся к ней, как кажется, без явных проблем и конфликтов ценностного, морального порядка*.

Удовлетворенность жизнью

По压倒ющее большинство молодежи сегодня в общем и целом удовлетворено своей жизнью. Две пятых молодых людей, опрошенных в 2006 году, давали самую высокую оценку своей жизненной ситуации (согласие с высказыванием «у меня все в полном порядке»); чуть выше была доля тех, кто считал, что «все не так плохо и можно жить». Тех же, кто выбирал для себя определение «жить трудно, но можно терпеть», долгие годы бывшее самой массовой оценкой своей жизни населением в целом, — всего 13%**.

* Дальнейший текст в значительной степени опирается на результаты опроса городской молодежи, проведенного Левада-Центром по заказу МШПИ в 2011 году. Эти материалы сопоставляются с данными прошлых молодежных опросов Центра.

** Правда, по мере социализации во «взрослую жизнь» оптимизм становится более сдержанным, особенно в центре, в столице, где острее конфликты, конкуренция, более интенсивны социальные и культурные напряжения, и, напротив, в периферийных городах и сельской местности, где самый низкий потолок, самый бедный спектр социальных и культурных возможностей. Крайне негативная оценка своей ситуации — «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», которую по сей день дают своей жизни около одной пятой всего населения России, в настоящее время практически отсутствует среди молодых (1%).

Образование

Наименьшие напряжения и недовольство вызывает среди молодежи полученное образование. При этом своим образованием — и средним, и высшим — удовлетворено подавляющее большинство молодых, а вот существующей в стране системой образования они довольны в гораздо меньшей степени. Однако это недовольство связано не с качеством получаемого образования, а прежде всего с отношением к его значительно распространившейся и возросшей платности. Это выражение общего для всего населения размытого недовольства по поводу ухода государства из социальной сферы, привычный для последних десятилетий негативный фон. Так или иначе, желаемое образование получает подавляющее большинство и платит за него (если это не бюджетная квота), не предъявляя затем особо серьезных претензий к качеству, то есть принимая это как частную проблему «выживания». Если для старших поколений проблема доступности образования для детей, или, другими словами, его (в первую очередь) платности, является достаточно острой (ведь платят за него, начиная со средней общеобразовательной школы, именно родители), то для молодых это куда менее острая проблема. Так в списке «самых острых» проблем молодежи на «невозможность получить хорошее образование», как школьное, так и более высокое, там, где респондент живет, указало лишь 13% всех опрошенных молодых людей (11-е место в списке из 14 проблем).

Таблица 1

**ЗНАЧИМОСТЬ ДОСТУПНОСТИ
КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ТИПАМ ПОСЕЛЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ**
(в % к соответствующей группе опрошенных)

	<i>В среднем по выборке</i>	<i>Москва</i>	<i>Большие города</i>	<i>Средние города</i>	<i>Малые города</i>	<i>Сёла</i>
Невозможность получить хорошее образование в этом городе/селе	13	5	3	8	22	19

Опрос молодежи 2006 г.

Другая причина недовольства системой образования — распространение в ней коррупции, притом что в качестве «коррупции» в значительной мере воспринимается и сама платность обучения, часто имеющая довольно непрозрачные формы (в общеобразовательных государственных школах растет скрытая платность обучения — бесконечные поборы на те или иные нужды, которые не может себе позволить обычная школа). Появление денег в государственной системе образования ведет к коррумпированию образования и участников образовательного процесса.

Готовность платить за образование, широко распространенная среди молодых, особенно более обеспеченных городских жителей, выступает (при незначимости критерия качества образования) не как инвестиция в свое профессиональное будущее, условие развития и самосовершенствования, а как взятка за «переход социального барьера», как вынужденное, но все-таки принятие навязанных «правил игры»*. Деньги здесь выступают не как символический посредник получения знаний на рынке образовательных услуг, а как «мзда» за доступ к услуге в процессе обучения, никак не связанная с гарантиями качества услуг.

Именно как приспособление к таким процессам разложения системы образования и можно расценивать рост удовлетворенности полученным образованием среди молодых россиян 16–34 лет. В сравнении с концом 1990-х годов доля недовольных полученным образованием среди городской молодежи сократилась весьма значительно — с 48 до 25%.

* Отдельная и серьезная тема — это коррупционное поведение студентов и преподавателей уже в процессе обучения. Распространение практики покупки экзаменов и зачетов (неважно, вынужденной или добровольной), дипломов, написанных другими за деньги, что поддерживается изданием книг со шпаргалками, практикой «списывания у отличников» (хоть из книжки, хоть из Интернета), задает такие рамки учебному процессу, когда задача и ценность индивидуального достижения и его признания в рамках института вытесняется, нивелируется. Сложность процесса вытесняется простотой и скоростью решения проблем. Такой процесс обучения становится все более дорогим и все менее качественным.

Таблица 2

**УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ ОБРАЗОВАНИЕМ,
КОТОРОЕ ПОЛУЧИЛИ ИЛИ ПОЛУЧАЕТЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?
(в % к числу опрошенных)**

Варианты ответов	Городская молодежь	
	1998	2011
Полностью удовлетворен	22	31
Скорее удовлетворен	28	42
Скорее не удовлетворен	36	20
Совершенно не удовлетворен	12	5
Затрудняюсь ответить	3	3

Здесь и далее сумма ответов может отличаться от 100% ввиду погрешности при округлении цифр.

Слабо выраженная среди студентов неудовлетворенность качеством преподавания, его уровнем, объемом, направленностью, организацией и пр., не выходит за рамки «частного» недовольства. Единичные, слабые попытки протеста, попытки изменения ситуации (например, волнения среди студентов социологического факультета МГУ в 2007 г.) быстро гаснут, подавляемые методами академической бюрократии, но что особенно важно — не находят практически никакого отклика среди студенчества в целом. В студенческой среде мы точно так же не видим никаких явных признаков формирования инициатив, связанных именно с улучшением качества обучения и преподавания.

«Прагматичная» ориентация на процесс получения высшего образования — явление не новое. И в советские времена большинство студентов гуманитарных, например филологических, факультетов учились, считая (и чаще всего — в соответствии с действительностью), что большинству из них придется работать, по крайней мере по распределению, в школе, заниматься учительской, редакторской и т. п. деятельностью, а не наукой. Таким образом, нивелировалась ценность универсального, широкого

гуманитарного образования, причем планки индивидуальных достижений занижались как преподавателями, так и студентами. Изучаемые предметы делились на «нужные» и «ненужные», воспринимавшиеся как «избыточные», оцениваясь с узко прагматичной, житейской точки зрения. Но если в советские времена, в эпоху застоя, выбор специальности в вузах, во всяком случае гуманитарных, был слабо связан при общей уравниловке с проблемой будущих доходов и само университетское образование все-таки воспринималось как ценность и достижение, то в «новое время» они нивелируются ожиданиями высоких доходов.

Претензии на высокий доход уже на старте слабо связаны с процессом обучения, специализации, накоплением «квалификационного ресурса», необходимого для успешной конкуренции на рынке труда. После получения диплома для большинства молодых важным становится не реализовать в профессии полученные знания, а попасть в те сложившиеся экономические ниши, где есть «большие деньги», где старт, даже с самых низких должностных позиций, сразу дает больший доход, чем это предполагает квалификация, скажем, «инженера» или «преподавателя». Таким образом, в сфере образования девальвируется ценностный смысл индивидуального достижения, личных усилий, который мог бы стать главным «карьерным» ресурсом при выходе на рынок.

Непроблематичность содержания и качества получаемого образования для подавляющей части молодых учащихся, отсутствие в их сознании ценности индивидуального усилия при получении образования, конвертируемого в успех и достижение, говорит о той же пассивно-адаптивной стратегии поведения молодых, которая характерна для подавляющего большинства населения. Идея отстаивания, защиты своих прав на получение качественной услуги за деньги или как протест против переплаты, нарушения договорных отношений среди молодых сегодня практически отсутствует. И хотя, как мы уже отмечали, удовлетворенных системой образования среди молодежи меньшинство, подавляющая часть их уверена в том, что сможет получить «хорошее образование».

Удовлетворенность материальным положением

Неудовлетворенность материальным положением лидировала на протяжении всего постсоветского времени и среди населения в целом, и среди молодых. Но если доля удовлетворенных среди молодых людей до последнего времени была выше (особенно в середине первого десятилетия 2000-х), то в настоящее время эти показатели стали очень близки. В сравнении с кризисным 1998 годом доля удовлетворенных своим материальным положением выросла от четверти до двух пятых молодых в возрасте до 29 лет. Вместе с тем удовлетворенность несколько снизилась в сравнении с докризисным 2006 годом, как несколько ухудшились и оценки своего потребительского статуса (см. табл. 3).

Как и населению в целом, большинству молодежи имеющих доходов хватает только на самое необходимое: еду, продукты и одежду (см. табл. 5). Но среди молодых доля самых бедных примерно в три раза ниже, чем среди населения в целом (по последним данным, сумма позиций «А» и «Б» составляет 39 и 13% соответственно), а доля относительно благополучных по их оценке выше в два раза (сумма позиций «Г» и «Д», соответственно, 16 и 36%). При этом надо иметь в виду, что и стандарты потребления у взрослых и молодых людей заметно различаются. Молодежь в значительной своей части ориентирована на демонстративно-ста-

Таблица 3

НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ВАШИМ НЫНЕШНИМ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ?

(в % от числа опрошенных молодых людей до 29 лет
от соответствующей совокупности опрошенных)

Варианты ответов	1998		2006		2011
	Молодежь в целом	Городская молодежь	Молодежь в целом	Городская молодежь	Городская молодежь
Вполне удовлетворен / скорее удовлетворен	23	25	48	46	40
Скорее не удовлетворен / совершенно не удовлетворен	75	71	50	52	58
Затруднились ответить	2	4	2	3	2

Таблица 4

**УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ
(в % от опрошенных)**

Варианты ответов	1997	2007	2011
Вполне удовлетворен / скорее удовлетворен	14	29	37
Скорее не удовлетворен / совершенно не удовлетворен	85	64	59
Затруднились ответить	2	1	3

тусное потребление, поэтому готова платить большие деньги за модные и престижные вещи, маркирующие ее «современность», пусть даже в ущерб вещам, необходимым в семейном быту.

Таблица 5

К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП ВЫ СКОРЕЕ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСТИ?

(в % от числа опрошенных молодых людей в возрасте до 29 лет в соответствующей совокупности респондентов)

Варианты ответов	2007	2006		2011	
	<i>Все население</i>	<i>Молодежь в целом</i>	<i>Городская молодежь</i>	<i>Все население*</i>	<i>Городская молодежь</i>
А. «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты»	11	2	1	10	1
Б. «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения»	28	12	9	29	12
В. «Денег хватает на продукты и на одежду, но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой»	45	50	48	45	51
Г. «Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи»	16	33	38	15	35
Д. «Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи — квартиру, дачу и другое»	1	2	2	1	1

* Общероссийский опрос, апрель 2011, N=1600.

Таблица 6

НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ...

Варианты ответов	Вполне удовлетворен / скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен / совершенно не удовлетворен
Кругом друзей и знакомых	91	7
Отношениями с родителями	87	9
Здоровьем	85	15
Супружескими (секс-партнерскими) отношениями	61	12
Жилищными условиями	47	52
Материальным положением	41	57
Возможностями заработка, устройства на хорошую работу, открытием своего дела, бизнеса	32	60

Количество затрудняющихся с ответом (не работающих, не состоящих в сексуальных отношениях и т. п.) не приводится.

В целом удовлетворенность молодежи разными сторонами своей жизни весьма высока, а в сравнении с другими возрастными группами она наивысшая (см. табл. 6). И круг личностного общения, и отношения в семье оцениваются безусловно позитивно. Отношения между поколениями (связи с родителями) молодыми людьми воспринимаются как хорошие, соответствующие тому, как они представляют себе «норму» этих отношений (хотя такого рода оценки со стороны родителей сильно отличаются от мнений молодежи в худшую сторону). Другое дело — характер материальных условий жизни и потребительских запросов (а это основной критерий ценностных определений реальности, формируемых неспециализированными источниками и средствами ретрансляции смысловых и символических значений — социальным контекстом, включая личное общение с окружающими, телевидением, рекламой, женскими журналами, короче, всего, что касается стандартов потребительского поведения как демонстрации образа жизни, достигнутого статуса и т. п.). Преобладание негативных оценок материального положения, возможно-

стей заработка и все больше — жилищных условий (отметим, что покупка собственного жилья практически невозможна даже для городской молодежи, которую можно условно, по уровню дохода, причислить к среднему классу) лучше всего говорит о том, что для молодых людей действительно важно и ценно.

Проблемы молодежи

Повседневные проблемы, беспокоящие молодых людей в России, мало чем отличаются от забот большей части населения.

Таблица 7

ЧТО ОСЛОЖНЯЕТ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ? (в % к опрошенным)

Материальные трудности, нехватка денег, высокие цены и т. п.	71
Вопросы трудоустройства, безработица	54
Жилищный вопрос	42
Получение хорошего образования	23
Неуверенность в завтрашнем дне	22
Отсутствие идеалов, ощущение пустоты, отсутствие смысла жизни	15
Характер работы, условия труда	12
Неустроенность личной жизни	11
Нечем заняться в свободное время, скучно	9
Неумение ориентироваться в жизни	9
Страх за детей, близких	7
Политическая обстановка	7
Разногласия со старшим поколением	4
Отношения в коллективе	3
Затруднились ответить	1

На первом месте в ряду проблем стоят *низкие доходы* (нехватка денег и высокие цены). В ответах респондентов проявляются два обстоятельства: а) дефицит ресурсов или трудности самообеспечения, сохранения некоторого приемлемого уровня жизни и б) несоответствие материаль-

ных запросов имеющимся доходам, разрыв между желаемым и реальным. В первом случае речь идет о физическом выживании, во втором — о социальной зависти (лишении благ в сравнении с другими, более обеспеченными группами, выступающими в качестве референтных для данных категорий молодежи) или относительной бедности.

На недостаток денег жалуется 71% опрошенных молодых людей, причем различия в возрастных или образовательных группах, местах проживания хотя и отмечаются, но они незначительны и едва выходят за рамки статистически допустимых колебаний. А это означает, что речь идет не столько о физическом выживании (в этом случае мы имели бы дело с ярко выраженной дифференциацией мнений), сколько о релятивной депривации. Отклонения, причем по всем содержательным аспектам существования, фиксируются лишь в ответах москвичей: структура беспокоящих забот у них та же, что и у жителей других городов, но острота восприятия и оценки проблем несколько ниже (примерно на 8–10 процентных пунктов). Другие различия между подгруппами молодежи в оценке острых проблем укладываются в общую картину восприятия того, как распределяется материальная обеспеченность: меньше всего она, как и забота о собственном жилье, беспокоит самых молодых (школьников, студентов в возрасте 15–20 лет, в значительной мере сидящих еще на родительском «коште», — подобные вопросы беспокоят лишь около половины этой возрастной когорты), острее всего нехватку денег воспринимают те, кто выходит в самостоятельную жизнь и начинает обзаводиться семьей (люди 21–25 лет — 73%) и у кого нет особых перспектив на быстрый рост заработков или иных доходов (респондентов со средним уровнем образования).

На втором месте — угроза безработицы — 54%. Перспектива потери работы или отсутствие, дефицит хороших рабочих мест для трудоустройства сильнее беспокоит молодых людей с высшим образованием (57%), а также жителей провинциальных городов, где рынок труда очень ограничен (57%); москвичей эти вопросы заботят меньше (45%).

На третьем месте — *жилищные проблемы* (в среднем 42%, женщины, озабоченные обзаведением семьей и условиями для воспитания детей, созданием своего «домашнего очага», — 45%; мужчины переживают проблему менее остро: таких 39%), приобретающие особую остроту с возрастом и ясным пониманием необходимости отделяться от родителей: в возрасте 15–20 лет это беспокоит лишь 27% молодых людей, 21–25 лет — 46%, 26–30 лет — 50%, старше 30 лет — 48%. Опять-таки меньше эти проблемы занимают москвичей (33%, возможно, это связано с рынком аренды жилья), сильнее всего — петербуржцев (70%) и жителей периферийных городов (39–44%).

Это те проблемы, которые остро переживают все категории молодежи в России. Но есть и более специфические моменты, которые касаются не всех, — например, *трудности с получением «хорошего» образования* (23%), открывающего некоторые перспективы изменения личной жизни. Острее эта проблема переживается молодыми людьми, школьниками или учащимися техникумов, живущими в провинциальных городах (28%) с ограниченным выбором вузов или с ограниченными ресурсами для получения образования (отсутствием материальной поддержки со стороны родителей или особыми затратами на переезд в крупные города и столицы, устройство жизни вдали от дома и т. п.). Но интересно, что такие же проблемы беспокоят и немалую часть тех, кто уже имеет диплом о высшем образовании и озабочен либо повышением профессиональной квалификации, либо сменой профессии (таких в опросе насчитывается 17%).

Менее выражены ролевые и ситуативные вопросы и обстоятельства социальной дезадаптации или трудности жизни молодых, поскольку они касаются лишь ограниченного числа респондентов и обстоятельств — «страха за детей», неприятные или неблагоприятные условия труда, «скука» (на нее жалуются, главным образом, самые молодые люди, не знающие, чем себя занять, почти вдвое чаще среднего показателя). О постоянном беспокойстве за будущее детей говорят главным образом тридцатилетние мамы (в целом же женщины — 10%, мужчины — 3%), у которых подрастают

дети и на будущее которых они переносят свои личные проблемы. Для нашего разбора интересно также довольно частое (в среднем 9%) упоминание о «неумении» ориентироваться в жизни, о котором чаще говорят самые юные и необразованные или неопытные респонденты (среди этой категории доля подобных ответов повышается до 15%).

Но те вопросы, которые прежде всего нас интересуют в данном исследовании, а именно: потенциал гражданской солидарности, теснота межпоколенческих связей и взаимной заинтересованности поколений, особенности исторического и морального сознания, могущего стать фактором ограничения произвола власти и насилия в обществе, — оказываются на периферии внимания и интересов российской молодежи.

Общественные и политические проблемы беспокоят очень немногих (4–7%), причем нельзя сказать, что здесь выделяются люди более зрелые (по возрасту или образованию) или респонденты с более широким кругом информированности. Некоторое значение имеет партийная приверженность. Ангажированные сторонники допущенных в парламент партий или хотя бы симпатизирующие им (КПРФ, СР, ЛДПР) несколько чаще говорят об этом, но сами по себе различия едва уловимы. Несколько чаще общественно-политические проблемы занимают молодых людей в Москве (12%; в СПб — 2%, городах другого статуса — 6–7%).

Экзистенциальные проблемы, специфические для молодежи, то есть для людей, не завершивших процессы первичной социализации, находящихся в переходной фазе жизненного цикла, не столь очевидны. Можно сказать, что они свойственны лишь сравнительно небольшим подгруппам и имеют вполне определенные социальные корни. О своей «неуверенности в завтрашнем дне» заявили 22% опрошенных, «ощущение пустоты», «отсутствие идеалов» испытывают 15%. Хорошо известное состояние, когда «нечем заняться», свойственное повседневности подростков с окраины или из фабричной слободы, городских низов (то есть в среде с ограниченными социальными, культурными ресурсами, которые могли бы обеспечить позитивную мотивацию достижений, самореализа-

ции, интерес к жизни и другим людям), в данном случае не подходит в качестве модели объяснения социальной дезадаптации, то есть неприспособленности к окружающей среде. Вопреки ожиданиям, связанным с результатами социологических исследований в других странах, такие ответы в России чаще дают более образованные и «зрелые» люди.

Сравним ответы на диагностические вопросы этих двух типов.

Таблица 8

ЧТО ОСЛОЖНЯЕТ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ?

Категории опрошенных	<i>Неуверенность в завтрашнем дне</i>	<i>Ощущение пустоты, отсутствие идеалов</i>	<i>Нечем заняться, скучно</i>	<i>Неустроенность личной жизни</i>
В среднем	22	15	9	11
М	22	17	10	11
Ж	23	12	8	11
Возраст				
15–20 лет	18	12	16	8
21–25 лет	21	13	7	14
26–30 лет	23	14	5	11
31–34 года	32	27	10	9
Образование				
Высшее	24	22	10	12
Среднее	22	13	8	11
Ниже среднего	20	8	15	10
Место жительства				
Москва	26	20	12	13
СПБ	9	9	7	4
Большой город	21	15	8	13
Средний город	24	13	10	9

Как видим из таблицы 8, наиболее высокие показатели неуверенности в завтрашнем дне приходятся на возрастные группы, уже обладающие значительным жизненным опытом, ресурсами полученного высшего

образования, определенным горизонтом понимания событий и их связей, москвичей (то есть среды с очень интенсивным информационным, политическим, экономическим и т. п. обменом). Это может указывать, с одной стороны, на слабость, подавленность или неразвитость институциональных структур, которые поддерживают, гарантируют или стимулируют индивидуальную активность, продуктивную деятельность, инновационное и ответственное индивидуалистическое поведение (тех, у кого подобная мотивация сформировалась), с другой — на ограниченность мотивации подобной активности из-за отсутствия целей или желаний, которыми она может быть обусловлена и детерминирована.

Во втором случае речь, видимо, может идти о том, что нынешние масс-культура, гламур, попса формируют в первую очередь потребительский гедонизм как основную ценность в молодежной среде, что не всех устраивает и удовлетворяет. У многих они порождают чувство отторгнутости и материальной недостаточности. Характерно, что на отсутствие идеалов и ощущение пустоты жизни у молодежи чаще указывают опять-таки более образованные и зрелые люди и москвичи, а среди них чаще — мужчины (они дают такие ответы в полтора раза чаще, чем женщины), у которых демонстративно-потребительский рефлекс выражен несколько слабее, чем у женщин, то есть респонденты с более широким информационным горизонтом, живущие в обстановке, потенциально более разнообразной в культурном и социальном плане. А вот ответы «нечем заняться», «скучно» чаще дают подростки с низким уровнем образования, но, что любопытно, скорее живущие в Москве или в провинциальных небольших городах, чем в Петербурге или в крупных городах. Одно из возможных объяснений этих состояний или намечающихся тенденций состоит в том, что в первом случае социальные контрасты (между богатыми и обделенными, чиновниками и работягами и т. п.) слишком сильны, а сознание непреодолимости разрыва между желаемым положением и собственными ресурсами его достижения действуют парализующее на молодежь со «слабым» типом мотивации, порождая проблемы социально-психологи-

ческой и культурной адаптации и одиночества, отсутствие смысла жизни. О неустроенности личной жизни склонны говорить респонденты обоих полов в том возрасте, когда полагается обзаводиться семьей или, по крайней мере, ощущается потребность в сексуальном партнере, интимном друге, способном разделять переживания жизненных событий и поддерживать в трудную минуту. Это ощущается особенно остро в 21–25 лет либо когда социальные табу на сексуальные отношения и все, что с ними связывается в культурном плане — чувство близости и понимания, защищенности, аффективное разнообразие, счастье и т. п., постепенно снимаются в сравнении с более ранними фазами жизни.

Таким образом, восприятие своего поколения молодыми россиянами лишено какой-либо приподнятости и склонности к романтической идеализации. Правильнее было бы сказать, что оно противоречиво, раздваивается, будучи основанным на ценностных основаниях старшего поколения (закрепленных школьной дидактикой или рутинными интеллигентскими догмами, правда, очень стертыми и ослабленными). Главные ценностные ориентиры молодых россиян: желание денег как утопия будущего и своего благополучия, эквивалент вчерашнего идеологического «светлого будущего», выступавшего как опорный элемент представлений о социальном порядке, сохранившийся до сих пор, хотя и в очень ослабленном и эрозированном виде, иррациональный оптимизм общих представлений о структуре социального времени, надежд на патерналистскую политику государства.

С одной стороны, в какой-то степени признается важным оценивать свое поколение с точки зрения «творческой работы», «духовного развития» и т. п. высоких, хотя и ставших ходульными и слабо работающими категорий. С другой, несравнимо более значимыми и сильными оказываются масскультурные критерии потребительского общества — «деньги», пассивный «материальный гедонизм», прагматизм и работоспособность (табл. 9). Разброс мнений у респондентов из разных возрастных и образовательных групп невелик и едва выходит за пределы статистически допустимых колебаний (по самым частым ответам максимальная

амплитуда отклонений всего 6–7%), что указывает на действие самых общих коллективных представлений, практически не дифференцирующих молодежь из разных мест.

Таблица 9

**ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СЕГОДНЯ ХАРАКТЕРНО
ДЛЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, НАЧИНАЮЩЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ?
(в % к числу опрошенных*)**

Желание разбогатеть, «делать деньги»	49
Стремление получить от жизни как можно больше удовольствий	38
Стремление больше учиться, работать, чтобы обеспечить своей семье, себе материальное благополучие	35
Стремление к интересной работе, творческой деятельности	17
Стремление иметь хорошую, дружную семью	16
Жить не думая, как придется	13
Стремление к духовному развитию, самосовершенствованию	6
Затруднились ответить	3

* Сумма ответов превышает 100%, так как в среднем респонденты давали 1,7 ответа.

Лишь в одном случае эти различия несколько больше: среди молодых москвичей 60% опрошенных считают главной чертой своего поколения «желание разбогатеть» (в других городах эти показатели существенно ниже: СПб — 43%, большой город — 47%, средний город — 49%). Деньги как символ свободы потребления или возможностей реализации нехитрых потребительских желаний сочетаются либо с бездумностью и маниловской мечтательностью, либо с прагматической максимой «много учиться и много работать», чтобы добиться личного и семейного благосостояния (образ «молодых трудоголиков» — не только широко распространенный стереотип гламурных СМИ, но и реальный тип поведения, распространенный в продвинутых группах столичной молодежи). Школьники в ответах на вопросы анкеты чаще других воспроизводят социализационные клише учителей и родителей, описывая своих сверст-

ников, себя и следующие возрастные когорты в нормативных проекциях желаемого будущего (больше учиться, работать, чтобы обеспечить своей семье, себе материальное благополучие и т. п.).

Самые молодые люди (в возрасте 15–25 лет, то есть главным образом школьники и студенты) настроены скорее возвышенно-идеалистично. Они воспроизводят романтические и отчасти интеллигентские представления о «правильной» и «хорошей» жизни молодых и талантливых людей, стремящихся к творческой или интересной работе.

Было бы неправильным сводить это массовое желание «денег» лишь к фантазиям и грезам посткоммунистического поколения, отталкивающегося от принудительного равенства в бедности, с которым прожили свою жизнь родители и деды этой молодежи. В таких установках основной массы молодых людей есть и более рациональное зерно: в силу слабости новых институциональных структур (рыночных институтов, правового государства, независимого суда) гарантии спокойного существования связываются почти исключительно с материальной обеспеченностью и собственными накоплениями, поскольку социальные гарантии, которые прежде предоставляло или обещало государство — пенсии по старости, бесплатное медицинское обслуживание, образование и т. п., сегодня не работают в том же виде или объеме и никто на них уже не надеется.

Как и «деньги», значение стремления «получить от жизни как можно больше удовольствий» не стоит сводить только к примитивному пассивному гедонизму людей первого относительно сытого поколения в новейшей истории России. «Удовольствия» здесь оказываются и очень примитивной, и, конечно, очень доступной формой субъективации существования, осознания себя в качестве автономного существа, отдельного от принудительно-коллективной жизни, как это имело место в жизни родителей этой молодежи и в идеологии, принятой в их время.

Разрыв между собственными желаниями и сознанием своих возможностей, которые мы фиксируем в опросах населения (причем всех россиян, а не только молодежи, у которой эти различия выражены как раз

сравнительно слабее, см. табл. 9), приводят к стойкому негативизму большинства российского населения в восприятии реальности. Одной из форм выражения этого негативизма выступает дисквалификация самого объекта желаний (принцип «зелен виноград»). Другая форма — массовая депрессия, особенно заметная в провинции (на селе или в малых городах), или постоянная нередуцируемая фрустрация.

Характерен механизм действия подобных негативных определений реальности. Они приписываются неким неопределенным «другим» или «всем другим», но никак не самому опрошенному. Функция этих «других» заключается в том, чтобы закрепить мнение о реальности в качестве «общего» и тем самым обеспечить санкции для действия или недействия, отказа от действия (в зависимости от конкретной ситуации респондента), но при этом разгрузить самого респондента от бремени выбора и ответственности за принятое решение. А вот каков один из результатов действия таких механизмов. По оценкам россиян, дела у «других» всегда обстоят заметно хуже, чем у «меня самого», — например, положение дел в стране (в регионе, в городе) обычно квалифицируется как более тяжелое, чем в семье самого опрошиваемого. Вместе с тем заработок «других», их социальная признанность, «стоимость» будут оцениваться респондентом несколько выше, чем его собственные, хотя трудовой вклад респондента, интенсивность его работы, как считает он сам, несколько не ниже или даже выше, чем у «других». Итак, перенос негативности на «других» соединяется с их низкой оценкой респондентом (по принципу: «им» всегда — и незаслуженно! — переплачивают), а завышение собственных возможностей сопровождается декларациями респондента о своей недооцененности (по модели: «мне» всегда недодают, хотя «я» заслуживаю большего).

Настроения как проекция ценностных установок

Лучше всего это отражает картина настроений, представленная людьми, с которыми респондент постоянно взаимодействует. Приведенные в списке опросника настроения объединены в три типа: 1. «Позитивный» — сумма

таких настроений, как «надежда», «чувство свободы», «чувство собственного достоинства», «гордости», «уверенности в завтрашнем дне» и т. п.; 2. «Астенический» — сумма таких чувств, как «усталость», «растерянность», «безразличие», «одиночество», «заброшенность»; 3. «Рессентиментный» — сумма ответов респондентов, выбравших: «агрессивность», «озлобленность», «зависть», «обиду», «отчаяние», «страх», «стыд за народ».

Таблица 10

КАКИЕ ЧУВСТВА ПРЕОБЛАДАЮТ У ВАС И ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ?
(в % к числу ответивших)

Категории респондентов	Позитив		Астения		Рессентимент	
	У себя	У окружающих	У себя	У окружающих	У себя	У окружающих
Населенный пункт						
Москва	32	20	29	37	39	43
Большой город	47	24	25	37	28	39
Средний город	53	26	21	36	26	38
Образование						
Высшее	59	20	28	37	13	43
Среднее	46	25	24	36	30	39
Ниже среднего	43	28	21	31	36	41
Электоральные установки*						
ЕР	57	30	20	34	23	36
ЛДПР	45	17	24	35	31	48
СР	38	17	22	28	40	48
Не хотят голосовать	42	21	26	36	32	43

* Доля готовых проголосовать за КППФ составила 2% опрошенных, что ниже границы статистической достоверности.

Общая характеристика этих данных: позитивные социальные эмоции сильнее представлены у людей с более высоким уровнем образования, у живущих в провинциальных городах, а также у сторонников партии власти. Напротив, астенический синдром и рессентимент заметнее у жите-

лей Москвы и средних городов, противников ЕР или отказывающихся участвовать в выборах. Причем расхождения в оценках своего состояния и эмоционального состояния окружающих менее значительны в Москве и очень выражены в других городах (26–38%), у людей более образованных, у сторонников партии власти.

Если объединить астенический и рессентиментный типы реакции на действительность, получим следующую картину социальных эмоций в обществе:

Таблица 11

СУММА НЕГАТИВНЫХ РЕАКЦИЙ

Категории респондентов	<i>У себя</i>	<i>У окружающих</i>
Населенный пункт		
Москва	68	80
Большой город	53	76
Средний город	47	74
Образование		
Высшее	41	80
Среднее	54	75
Ниже среднего	57	72
Электоральные установки		
ЕР	43	70
ЛДПР	55	83
СР	62	83
Не хотят голосовать	58	79

Негативный фон восприятия действительности становится почвой для самых разнообразных проявлений: политической поддержки авторитарного режима (когда его лидер наделяется чертами и свойствами, снимающими массовую неудовлетворенность положением вещей и комплексы неполноценности, вызванные сознанием собственной ничтожности и жизненных неудач), ксенофобии, как внутренней, так и внешней, напри-

мер антиамериканизма, неприязни к бывшим республикам СССР, изоляционизма, социальной зависти и проч. Однако сама по себе различная оценка восприятия своей реальности и состояния окружающих служит фактором стабилизации и «примирения с действительностью», снижения планки запросов и потребностей, ведет к общей стратегии «понижающей адаптации».

Таблица 12

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И ОБРАЗОВАНИЯ**

Возраст	18–24 лет	25–39 лет	40–54 лет	55 лет и старше
Позитив	61	45	42	41
Астения	26	36	39	57
Агрессия	13	19	19	22
Образование	Высшее	Среднее специальное	Среднее	Ниже среднего
Позитив	54	43	40	48
Астения	33	40	42	30
Агрессия	13	17	18	22

Представления об успехе и о будущем

Подавляющее большинство молодых горожан (79% по данным опроса 2007 года, проходившего в крупных городах России) считают, что они уже добились успеха в жизни. Тем не менее, если учесть смутность и неопределенность планов на будущее большинства молодых (от трети до двух пятых учащихся, например, не знают по какой специальности они будут работать), это заставляет думать, что понятие «успеха» имеет в молодежной среде «знаковый», не достижительский, а идентификационный смысл (как и высокая и растущая удовлетворенность всеми сторонами социальной жизни — можно подумать, что молодые живут в какой-то другой стра-

не). Такой «успех» — не столько реализация достижительских планов, поставленных целей и приложенных для их реализации максимальных усилий, сколько знак вписанности в позитивно оцениваемый контекст апеллятивного «мы», «таких как я», таких, у кого «все в порядке».

В представлениях молодежи об условиях достижения успеха доминируют упование на помощь и поддержку наделенных влиянием людей (модификация советского «блата»), на волю случая, с одной стороны, с другой — установка на инструментальное, не подлежащее моральной оценке действие, когда для достижения цели все средства хороши.

Столь стремящиеся сегодня к «успеху» (в примитивной форме навязываемому масскультурой и гламуром) молодые люди хотя и декларируют значение для него образования и «упорной работы», столь же высоко оценивают для достижения успеха и наличие связей, знакомств и цинизма — умения идти напролом, добиваться своих целей любой ценой.

Таблица 13

**ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОЗВОЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКУ ДОБИТЬСЯ УСПЕХА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?**

(Ответы ранжированы, в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	2006		2011
	<i>Молодежь в целом</i>	<i>Городская молодежь</i>	<i>Городская молодежь</i>
Наличие знакомства и связей	49	54	54
Упорная работа	48	44	44
Хорошее образование	43	41	38
Талант, способности	38	41	34
Умение идти напролом, добиваться своих целей любой ценой	36	36	33
Везение, случай	22	22	18
Происхождение из богатой семьи	14	17	21
Удачное замужество / женитьба	12	13	13
Честолюбие, амбиции	12	16	13
Занятие противозаконной деятельностью	6	7	6

Обратим внимание на низкий ранг таких качеств, как «честолюбие, амбиции», которые как раз должны были бы быть значимы для человека, ориентированного на успех и карьеру, особенно молодого. Эти качества традиционно воспринимаются в патерналистском и уравнилельно-коллективистском советском обществе как негативные или вызывают, по меньшей мере, настороженность. Акцентирование роли внешних по отношению к человеку факторов достижения успеха сочетается с довольно негативным восприятием «успешных людей» не только в массовых представлениях, но и среди самой молодежи, особенно — наименее адаптированной ее части. Само выделение молодыми в качестве значимых условий или средств достижения успеха и карьеры негативно оцениваемых в массовом сознании «явлений» — блат, использование властных ресурсов, связей, циничный, эгоистичный расчет, прагматизм — и есть механизм дисквалификации, понижения ценности успеха, карьеры как социального факта. Такое видение условий достижения успеха дает, с другой стороны, молодому человеку как бы оправдание, моральную разгрузку, освобождает от необходимости стремиться к большему, делать карьеру, поскольку существующие средства и способы не годятся для «честного человека».

С другой стороны, лишь 21% опрошенных молодых (данные опроса 2006 г.) были «скорее» или «совершенно не согласны» с высказыванием, что «цели оправдывают средства» (согласных с этим суждением 47%). То есть распространенность «негодных» средств достижения успеха служит оправданием своей готовности действовать так же, «как все», принимать существующие практики, вписываться в них и их использовать. Амбивалентность представлений о социальном успехе (что сочетается с декларативными утверждениями о значимости «для себя», для «внутреннего употребления» порядочности, честности, морали, нравственности и пр.) вселяет в человека не только неуверенность, страх и тревогу по поводу своих возможностей и перспектив, будущего, даже ценности своей жизни, но и становится питательной почвой для рессентимента, широко-

го распространения в российском обществе чувства обиды, несправедливости жизни. Это и есть пресловутое двоемыслие советского человека.

Такое понимание успеха служит лишь маркером адаптированности к существующим реалиям и не предполагает выстраивание своего будущего как сложной системы социального взаимодействия. Будущее как бы вытесняется, серьезно не планируется, не рационализируется, а настоящее не выстраивается в общую причинную связь событий прошлого и будущего, не воспринимается как место строительства будущего, зона актуальной ответственности и понимания («сегодня» — это вчерашнее «завтра»).

Примечательно, что молодые — при всей уверенности в своем положении, удовлетворенности современной жизнью, высокой оценке своей успешности, как и большинство населения, не имеют четкого представления о своем «большом» будущем. По данным 2010 года, лишь 6% россиян ответили, что могут ясно представить свое будущее более чем на пять лет вперед, лишь одна пятая видит его на год-два вперед и менее одной десятой — на 5–6 лет вперед. Но и относительное большинство молодых людей также считают, что могут планировать свою жизнь не более чем на год-два вперед.

Таблица 14

НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ МОЖЕТЕ ПЛАНИРОВАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ?
(в % к группам по роду занятий, по строке)

Род занятий	На много лет вперед	На ближайшие 5–6 лет	На год-два	Не знаю, что случится в ближайшие месяцы	Затрудняюсь ответить
В среднем	7	17	41	28	7
Руководители	2	9	68	11	11
Специалисты	10	14	50	19	6
Служащие	7	13	37	31	12
Рабочие	5	13	40	39	4
Учащиеся, студенты	6	23	40	24	7
Безработные	9	16	28	38	10

Даже самые молодые, только начинающие жизнь, плохо представляют свое будущее. Не строят далеких планов и самые квалифицированные респонденты. Ростки планирования возникают лишь в тех группах молодых, которые по роду своей деятельности вписаны в социальные контексты, предполагающие более сложные структуры взаимодействия (например, среди предпринимателей, хотя в данном опросе эта группа слишком малочисленна).

Подобную «беспечность» относительно своего будущего, сочетающуюся с высокой удовлетворенностью своей жизнью и, что, наверное, еще важнее, с высокой удовлетворенностью своими «успехами», вероятно, следует рассматривать как превращенную прежнюю, «родительскую» зависимость от «системы» вместе с советским же ощущением бесперспективности, невладения собственной жизнью. Не случайно даже среди самых обеспеченных и успешных молодых в России большинство признает, что не может, да и не хочет влиять на политическую ситуацию, не в силах отстаивать свои права, неспособно противодействовать произволу власти.

Именно это свидетельствует о воспроизводстве (и преобладании) среди молодых недостижимых ценностей и ориентаций, немодерных установок и ценностей, о той же понижающей модели и пассивной адаптации к изменениям. Репродуцируется опыт предшествующих поколений, но на ином материале и с иными средствами. Опыт пассивного выживания не создает и не обещает ничего нового.

Таблица 15

С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ В СВОЕ БУДУЩЕЕ?

Варианты ответов	Городская молодежь	
	2006	2011
Скорее спокойно, с уверенностью	59	39
Скорее с беспокойством, опасениями	31	46
Затрудняюсь ответить	9	15

Однако о том, что за мнимой беспечностью и высокой удовлетворенностью своей жизнью скрываются очень значительные напряжения, страхи и неуверенность в себе, говорит динамика данных последних 5–6 лет. Похоже, что фаза самоуспокоенности и самодовольства городской молодежи уходит в прошлое.

Политическое участие и отношение к гражданскому обществу

Российскую молодежь нельзя назвать аполитичной. Она следит за политикой не меньше, чем старшие поколения, используя даже больше альтернативных, разных источников информации за счет Интернета. По количественным показателям российская ситуация (в том числе, политическая ангажированность молодежи) не так сильно отличается от большинства европейских стран.

Но смысл приведенных показателей во многом разный. В России — применительно и к социуму в целом, и к молодой его части — мы чаще всего имеем дело с позицией отстраненного и достаточно равнодушного зрителя. В самом отношении нынешних двадцатилетних или уже повзрослевших с 1990-х годов тридцатилетних к политическим событиям в стране и мире почти улетучилось демократическое или либеральное умонастроение. Исчезают признаки позиции, политического выбора; оценки происходящих событий не соотносятся с ценностями права, гражданских свобод, солидарности. Начинают работать либо механизмы присоединения к большинству, становящемуся все более агрессивным и воинственным, либо механизмы отрицания любых ценностных значений вообще, цинического обесмысливания событий.

Показателен пример отношения молодых к «оранжевой революции» на Украине. Более трети (37%) опрошенных в 2005 году молодых людей следили за событиями на Майдане. В этой группе «включенных» наблюдателей 24% считали, что события не принесли Украине ни пользы, ни вреда, а 25% затруднились сформулировать свое мнение (что эти события «были очень полезны для Украины», считали лишь 3% опрошенных). Это

Таблица 16

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПОЛИТИЧЕСКИ АНГАЖИРОВАННЫХ РЕСПОНДЕНТОВ
СРЕДИ «НАСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ» И «МОЛОДЕЖИ»*

Страна	Большой интерес к политике**		Высокий уровень доверия к национальному парламенту	
	Все население	Молодежь	Все население	Молодежь
Бельгия	8	5	6	7
Болгария	9	4	4	4
Великобритания	13	9	9	9
Венгрия	8	3	3	5
Германия	18	6	11	9
Дания	22	18	37	43
Испания	5	5	10	11
Латвия	4	3	2	2
Нидерланды	10	5	10	11
Польша	6	3	2	1
Россия	8	5	10	8
Румыния	7	3	11	8
Словакия	8	7	9	7
Словения	7	4	9	4
Украина	10	5	1	1
Финляндия	8	5	22	28
Франция	15	11	9	7
Чехия	3	0	5	5
Швеция	13	12	22	21
Эстония	8	7	8	6

* Опрос проводился в 2008 г. в 29 странах – участницах международного европейского исследовательского проекта *European Social Survey (the ESS)* по репрезентативным национальным выборкам; сравнение приводится по 20 выбранным странам.

** Процент опрошенных по выборке, заявивших о своем «большом интересе» к политике и «полном доверии» к парламенту.

значит, что половина молодых, следивших за манифестациями в Украине, не видят в них «смысла», не хотят оценивать для себя такое важное для понимания постсоветских обществ событие. Самый частый ответ на вопрос о движущих мотивах людей, стоявших на Майдане, — «участникам за это платили деньги». Его приняли для себя 52% (еще 25% молодых считают это вторым по важности мотивом). А такой мотив, как «воодушевление идеями», посчитали первым по важности только 30% молодежи, следившей за событиями. Гипертрофированные опасения российской власти относительно «оранжевой угрозы» выглядят мало обоснованными: 72% опрошенных молодых людей «определенно не хотели бы», чтобы «оранжевая революция» произошла в России. Для политологов, близких к власти, важно было «вытянуть на свет» именно эту реакцию большинства молодых и укрепить тем самым «антиоранжевые» спектакли «нашистов». Это и есть механизм девальвации, ценностной дискредитации смысла политических и социальных событий, из которых творится «история» (причем и общая, и своя собственная). Сегодня 55% учащихся и студентов затрудняются ответить на вопрос, кто был прав в дни августовского путча 1991 года, а самый частый среди 18–24-летних ответ (как и в остальных возрастных группах) — «ни те, ни другие» (39%; в «родительском» поколении 40–50-летних этот показатель составил 53%).

В целом сегодняшнее отношение российской молодежи к сфере политики, политическому действию можно характеризовать несколькими основными чертами:

- общая неопределенность, противоречивость политических ориентаций и предпочтений, которые (как и среди населения в целом) в ряде случаев выглядят взаимоисключающими;
- низкий интерес к политике;
- в целом низкий уровень доверия ко всем политическим институтам, за исключением фигуры президента;
- низкий уровень реального участия в политических и общественных инициативах при, все-таки, относительно высокой оценке подобных

инициатив как социального феномена, потенциальной общественной силы;

– близость оценок молодежи к средним по населению по многим принципиальным социально-политическим проблемам и векторам движения страны.

При этом чем беднее социальные, культурные, информационные ресурсы опрошенной молодежи (например, уровень ее образования), тем ниже ее интерес к политике, но тем — относительно — выше уровень доверия к существующей власти, в первую очередь, конечно, к первому лицу, и тем выше готовность эту власть поддерживать, в частности — через выборы. То же относится к подгруппам по относительному достатку и потребительскому статусу: чем он выше, тем относительно слабее ориентация респондентов на власть и доверие к ней, но тем выше доверие к формам общественной самоорганизации.

Более образованная и сравнительно благополучная молодежь, опрошенная в крупных и средних городах страны (ее доля заметно выше в Москве), в качестве источника информации о мире активнее других использует *Интернет* (в том числе его интерактивные возможности), а этот источник и по характеру предоставляемой информации, и по возможностям коммуникаций гораздо более богатый и разнообразный, чем российские СМИ. Среди других подгрупп опрошенной молодежи наибольшей популярностью как источник информации пользуются *новостные программы телевидения*, а они, понятно, не предусматривают интерактивности и на протяжении уже ряда лет проводят безальтернативную, исключительно официальную точку зрения на политические события и их акторов. Подчеркнем, что интерес к политике заметно чаще отсутствует у молодых женщин (61%), чем у мужчин (48%).

Однако следует отметить, что более высокая ресурсная обеспеченность части молодежи (образование, достаток, урбанизированность) несколько сокращает степень отстраненности респондентов от политической сферы, опять-таки в некоторой мере увеличивает прозападные ори-

ентации части опрошенных, но и только. Основная картина ориентаций и предпочтений в политической и социальной сферах при этом сохраняется: различия измеряются процентами, но не степенями значимости и могут оцениваться как не принципиальные.

Таблица 17

**ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ПОЛИТИКОЙ,
И ЕСЛИ ДА, ТО В ЧЕМ ВЫРАЖАЕТСЯ ЭТОТ ИНТЕРЕС?*** (в %)

Варианты ответов	В среднем по выборке	Образование		
		Высшее	Среднее	Ниже среднего
Не интересуюсь	54	44	57	67
Внимательно слежу за информацией о политических событиях	29	37	27	19
Обсуждаю политические события с друзьями	22	31	19	15

* Можно было выбрать несколько позиций, поэтому сумма ответов превышает 100%.

Таблица 18

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...
(сумма ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю» в %)

Варианты ответов	В среднем по выборке	Образование		
		Высшее	Среднее	Ниже среднего
Президенту	63	54	64	73
Правительству	36	31	37	39
Государственной думе	22	20	22	26
Политическим партиям	19	16	19	25

Более образованные среди опрошенных молодых горожан заметно выше оценивают свои возможности влиять на ситуацию в стране через акции протеста, но особенно — через общественные организации и гражданские инициативы. При этом более образованная молодежь чаще

видит в формах общественной самоорганизации именно протестную составляющую, оппозиционную власти: так полагает каждый третий из молодых людей с высшим образованием и вдвое меньше (лишь 18%) респондентов с неполным средним. Образованная молодежь заметно чаще других групп молодежи выделяет такие важные для нее права человека, как неприкосновенность частной жизни, жилища (64% высокообразованных и 49% молодых людей с неполным средним образованием), право владеть собственностью (49 и 35% соответственно), право на информацию (35 и 29%).

Характер политической вовлеченности образованной молодежи распространяется и на молодежь с известным уровнем достатка, более высоким потребительским статусом: здесь тоже несколько выше уровень доверия к общественным организациям (им доверяют 51% при 36% среди наименее обеспеченных), выше уверенность в собственной способности влиять на ситуацию в стране через участие в общественных инициативах, акциях протеста. У этих более благополучных подгрупп относительно ниже уровень ксенофобии, чувство «враждебного окружения» страны (хотя и в данных группах этот уровень все же высок!).

Таблица 19

**ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ПОЛИТИКОЙ,
И ЕСЛИ ДА, ТО В ЧЕМ ВЫРАЖАЕТСЯ ЭТОТ ИНТЕРЕС?**

Варианты ответов	В среднем по выборке	Потребительский статус		
		<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>
Не интересуюсь	54	54	55	58
Внимательно слежу за информацией о политических событиях	29	32	28	20
Обсуждаю политические события с друзьями	22	25	20	22

Таблица 20

**МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ,
ВЛИЯТЬ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ...**

Варианты ответов	В среднем по выборке	Образование		
		Высшее	Среднее	Ниже среднего
В выборах	38	38	37	43
В работе общественных организаций	40	49	37	33
В акциях протеста	40	42	40	38

Таблица 21

**МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ,
ВЛИЯТЬ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ...**

Варианты ответов	В среднем по выборке	Потребительский статус		
		Высокий	Средний	Низкий
В выборах	38	41	37	39
В работе общественных организаций	40	46	37	34
В акциях протеста	40	44	38	42

Однако в целом интерес российской молодежи к политическим вопросам и к различным формам деятельности, как уже говорилось, крайне низок. Даже в сравнении с апатичным населением страны доля не интересующихся политикой среди сегодняшней городской молодежи в России вдвое больше*. У остальных же молодых людей — явного

* Здесь и далее опрошенная молодежь крупных и средних городов страны рассматривается как более «продвинутая» по объему различных ресурсов группа в сравнении со *всей российской молодежью* и с *населением России в целом*. В некоторых случаях мы приводим сопоставимые данные как по молодежи, так и по населению за ряд лет, сопоставляя, таким образом, тенденции, проявляющиеся у россиян в целом и среди российской молодежи в частности.

меньшинства заинтересованных среди населения крупных и средних городов России — отношение к политике исчерпывается, как и среди населения страны, исключительно зрительским слежением за информацией о политических новостях и обсуждением ее в узком кругу «своих».

Таблица 22

**ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ПОЛИТИКОЙ,
ЕСЛИ ДА, ТО В ЧЕМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЭТОТ ИНТЕРЕС? (в %)**

Варианты ответов	2008	2011
	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Внимательно слежу за информацией о политических событиях	32	29
Обсуждаю политические события с друзьями	28	22
Участвовал в течение последнего года в политических акциях, демонстрациях, митингах, пикетах, забастовках	3	1
Участвовал в организации и проведении предвыборной кампании	5	2
Присутствовал на собраниях какой-либо партии или движения	3	2
Подписывал письма, обращения	2	2
Голосовал на выборах	52	–
Писал/а в социальных сетях, ЖЖ	–	2
Не интересуюсь политикой	27	54
Затруднились ответить	3	2
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>800</i>

Политическим партиям и Государственной думе, правительству молодежи, как и население России, чаще всего не доверяет, причем за последние два года и без того невысокий уровень доверия со стороны российской молодежи еще снизился.

Таблица 23

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...

Варианты ответов	Молодежь до 34-х лет			
	2009 Вся страна		2011 Крупные и средние города	
	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>
Политическим партиям	22	69	19	76
Государственной думе	47	42	23	69
<i>Число опрошенных</i>	<i>600</i>		<i>800</i>	

Напротив, президенту России молодые люди по преимуществу доверяют. Однако и это доверие в последнее время снизилось; в еще большей степени подобное снижение коснулось правительства.

Таблица 24

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...

Варианты ответов	Молодежь до 34-х лет			
	2009 Вся страна		2011 Крупные и средние города	
	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>	<i>Доверяю</i>	<i>Не доверяю</i>
Правительству	62	29	36	57
Президенту	80	15	63	30
<i>Число опрошенных</i>	<i>600</i>		<i>800</i>	

Более высокий уровень недоверия (и минимум доверия) всем государственно-политическим структурам выказывает московская молодежь. И все же президенту страны преобладающая часть российской молодежи склонна по-прежнему доверять. Между тем абсолютное большинство молодых людей, по их признанию, не имеет представления о том, какие цели поставлены руководством перед страной, какие перспек-

тивы у России и куда она идет. У российского населения в целом на этот счет тоже лишь самые туманные представления, но у молодежи они выглядят еще более неопределенными.

Таблица 25

**ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ
ДВИЖЕТСЯ НАША СТРАНА, КАКИЕ ЦЕЛИ ПОСТАВЛЕНЫ ПЕРЕД НЕЙ
ЕЕ НЫНЕШНИМ РУКОВОДСТВОМ?**

Варианты ответов	2010	2011
	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Довольно ясное представление	17	9
Довольно смутное представление	44	46
Нет никакого представления	21	26
Ясно, что дела в стране пущены на самотек	9	14
Затруднились ответить	9	5
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Это означает, что доверие фигуре первого лица носит у молодежи, как и у населения в целом, по преимуществу *символический* характер. Оно относится к общей авторитарной конструкции власти и к ее персонифицированному воплощению, символу страны как воображаемого целого, олицетворению претензий населения на место в мире, желаемого престижа России в глазах других стран и т. п., но очень слабо связано с реальными делами представителей высшей власти на их постах. При этом «вина» за слабую работу власти перекладывается на правительство, отсюда и значительно более заметное падение его рейтинга в глазах молодежи за последние два года.

Вместе с тем стоит отметить, что уровень доверия общественным (*негосударственным*) организациям, движениям, инициативам со стороны молодых российских горожан достаточно высок: им доверяют 46% опрошенной молодежи, не доверяют 40%. Однако молодежь (опять-таки

как и население России в целом) крайне отрицательно относится к политическому радикализму и, как правило, не одобряет насильственных действий даже в «благих» целях. Фактически явное одобрение в этом плане вызывают у молодых горожан только «зеленые»; полностью противоположные, негативные оценки получают со стороны молодежи действия религиозных сект, скинхедов, нацистов.

Таблица 26

**КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ДЕЙСТВИЯМ ТАКИХ ДВИЖЕНИЙ,
ГРУПП И ГРУППИРОВОК, КОТОРЫЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СВОИХ ЦЕЛЕЙ
ИСПОЛЬЗУЮТ РАДИКАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ, ПОРОЙ ДАЖЕ ПРИБЕГАЯ
К НАСИЛИЮ?**

(в % к опрошенным, ответы ранжированы по первому столбцу)

Группы и движения	<i>Одобрю</i>	<i>Не одобряю</i>	<i>Мне это безразлично</i>	<i>Ничего не знаю об этом</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Экологи, зеленые	68	11	8	6	7
Музыкальные фанаты	27	36	27	3	8
Футбольные фанаты	27	44	23	2	7
Радикальные патриотические организации	15	47	14	10	14
Антиглобалисты	11	30	13	26	19
Религиозные фундаменталисты	8	55	14	14	11
Радикально настроенные национальные меньшинства	8	56	17	10	10
Антифа	7	26	7	32	28
Нацболы, лимоновцы	7	39	10	25	19
Скинхеды	5	76	9	4	6
Нацисты	4	73	8	8	6
Религиозные секты	2	76	11	4	7

2011 г., молодежь крупных и средних городов.

В приведенных данных обращает на себя внимание высокий уровень неосведомленности и отстранения молодых горожан от оценок таких групп и движений, как антиглобалисты, лимоновцы, антифа, — доля незнакомых с этими организациями и затрудняющихся с ответом колеблется от 45% до 60% опрошенных.

Оценка собственных возможностей влиять на ситуацию в стране, проявляя общественную и гражданскую активность, среди молодежи крупных и средних городов достаточно высока, но по преимуществу на словах; иначе говоря, речь идет скорее об амбициях, чем о реальных делах и практическом опыте.

Таблица 27

**КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ,
ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ В ВЫБОРАХ?**

Варианты ответов	Молодежь		
	2001 <i>Вся страна</i>	2007 <i>Вся страна</i>	2011 <i>Крупные и средние города</i>
Определенно, да	14	16	11
Скорее, да	29	34	28
Скорее, нет	39	30	35
Определенно, нет	16	17	22
Затруднились ответить	2	3	5
<i>Число опрошенных</i>	<i>1000</i>	<i>2000</i>	<i>800</i>

Таков же уровень уверенности молодых россиян в способности влиять на ситуацию, участвуя в *общественных организациях и гражданских инициативах* (те же 40% уверенных, что они могут влиять, при 54% уверенных, что не могут). Наибольшую уверенность в своих силах последовательно демонстрируют москвичи.

Таблица 28

**КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ,
ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ В МИТИНГАХ,
ДЕМОНСТРАЦИЯХ, ЗАБАСТОВКАХ?**

Варианты ответов	2010	2011
	<i>Все население</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Определенно, да	4	10
Скорее, да	18	30
Скорее, нет	36	32
Определенно, нет	32	20
Затруднились ответить	9	8
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Однако реальное участие молодых людей в общественной жизни значительно ниже, так что заявленная позиция остается в большинстве случаев исключительно декларативной. Вероятно, дело здесь в том, что за общественными инициативами молодежь, как, впрочем, и население страны в целом, видит прежде всего мобилизационные действия со стороны властей, которые, как предполагается, используют мобилизованных в своих интересах, либо интересы оппозиции, противостоящей властям, но, опять-таки, стремящейся использовать молодежь для своих политических целей, или, наконец, давление тех или иных «внешних» сил. Лишь в малой степени общественная инициатива воспринимается опрошенными как источник мотивации действий людей (таблица 29).

Среди факторов, препятствующих формированию гражданского общества в стране, молодежь заметно выделяет противодействие процессам самоорганизации со стороны *власти*. Вместе с тем молодые люди подчеркивают отсутствие самостоятельности и инициативы в самих соотечественниках, их слабую уверенность в пользе такого рода активности (таблица 30).

Таблица 29

**КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ,
ИНИЦИАТИВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОЗНИКАЕТ...**

Варианты ответов	2010 Все население	2011 Молодежь крупных и средних городов
По частному почину граждан, «снизу», независимо от власти или иных политических сил	13	12
По инициативе власти	30	33
По инициативе иных политических сил, находящихся в оппозиции к власти	22	29
По инициативе внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России	13	10
Затруднились ответить	22	16
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Таблица 30

**КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ
ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ?
(2011 г., молодежь крупных и средних городов, ответы ранжированы)**

Люди в России не готовы к инициативной, самостоятельной деятельности	31
Власть препятствует появлению по-настоящему независимых от нее объединений граждан	29
Исторически жизнь в России не предполагала свободы людей, они и сегодня чувствуют себя зависимыми от государства	25
Люди не понимают пользы таких объединений	22
Люди опасаются, что власть рано или поздно начнет сводить счеты	17
Люди считают неприемлемым что-то требовать от власти	12
Я не знаю, что такое «гражданское общество»	12
Затрудняюсь ответить	10

И ту, и другую точку зрения особенно подчеркивают респонденты с высоким уровнем образования, более высокими потребительскими возможностями, занимая тем самым более критичную или, вернее сказать, более дистанцированную позицию по отношению и к власти, и, в еще большей степени, к массе.

Таблица 31

**КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ ФОРМИРОВАНИЮ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ?**

(2011 г., молодежь крупных и средних городов, ответы ранжированы по группе с высшим образованием)

Варианты ответов	Образование		
	Высшее	Среднее	Ниже среднего
Люди в России не готовы к инициативной, самостоятельной деятельности	40	28	23
Власть препятствует появлению по-настоящему независимых от нее объединений граждан	38	27	19
Исторически жизнь в России не предполагала свободы людей, они и сегодня чувствуют себя зависимыми от государства	26	25	23
Люди не понимают пользы таких объединений	21	24	16
Люди опасаются, что власть рано или поздно начнет сводить счеты	19	17	11
Люди считают неприемлемым что-то требовать от власти	12	12	13
Я не знаю, что такое «гражданское общество»	4	13	20
Затрудняюсь ответить	6	10	16

Тем не менее, при всем критическом отношении к властям и к пассивной массе населения, взгляды и мнения абсолютного большинства опрошенной городской молодежи по тем или иным политическим вопросам не реализуются в их действиях, не связаны с формами самоорганизации

Таблица 32

**СУЩЕСТВУЕТ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ЧТО ЗА ВЕСЬ ПЕРИОД НОВОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВО У НАС ТАК И НЕ ОТДЕЛИЛОСЬ
ОТ ГОСУДАРСТВА, НЕ СТАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ. В ЧЕМ ОСНОВНЫЕ
ПРИЧИНЫ ЭТОГО?**

Варианты ответов	Образование			Потребительский статус		
	Высшее	Среднее	Ниже среднего	Высокий	Средний	Низкий
Власть привыкла руководствоваться только собственными интересами	30	35	33	35	30	36
Власть хотела бы видеть в обществе лишь послушного исполнителя	32	27	20	31	24	30
Пассивность населения	41	34	31	39	35	29
Глубокое недоверие людей, их подозрительность	14	15	13	14	14	16
Неразвитость гражданского общества, отсутствие авторитетных фигур	16	16	11	14	16	13
Другое	0	1	0	1	0	1
Я не согласен с этой точкой зрения	1	0	1	0	1	0
Затрудняюсь ответить	5	11	16	8	10	16

2011 г., молодежь крупных и средних городов.

для проведения этих взглядов в жизнь. Иначе говоря, эти взгляды, хотя и признанные сверстниками, больше того — имеющие поколенческий характер, опознаваемые как «свои», остаются частными мнениями. Тем самым сегодняшняя российская молодежь вполне подпадает под характеристики, которые она сама дает россиянам в целом: «пассивны, привыкли приспосабливаться», «не готовы к самостоятельной деятельности», «не видят пользы в таких действиях» и т. п.

Если говорить об общих ориентациях нынешней российской молодежи, то они, в сравнении с населением в целом, значительно менее советские, более прозападные. Особенно это характерно для молодежи Санкт-Петербурга.

Таблица 33

**ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ
ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?**

Варианты ответов	2008 Все население	2011 Молодежь крупных и средних городов
Социалистическим государством типа СССР	17	6
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	32	44
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	39	39
Затруднились ответить	11	11
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Однако доля сторонников «особого пути» России среди молодежи столь же значительна: она достигает двух пятых, и эта доля выше среди молодежи средних городов (сторонников «особого пути» 28% среди молодежи Петербурга, 34% — среди москвичей и 44% — среди молодежи средних городов). Примерно столько же (в среднем 37%), отвечая на другой вопрос (см. табл. 34), не приняли точку зрения, что России нужно пытаться стать европейской страной, вместо того чтобы искать некий «особый путь» (в предыдущие годы доля сторонников «особого пути» достигала среди молодежи даже куда более значительной величины — 56–57%).

Таблица 34

**В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСИЛИСЬ БЫ СО СЛЕДУЮЩИМ ВЫСКАЗЫВАНИЕМ:
РОССИЯ ДОЛЖНА ПЫТАТЬСЯ СТАТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАНОЙ ВМЕСТО ТОГО,
ЧТОБЫ ИСКАТЬ КАКОЙ-ТО ОСОБЫЙ ПУТЬ? (Молодежь 16–29 лет)**

Варианты ответов	2005	2011
	<i>Вся страна</i>	<i>Крупные и средние города</i>
Полностью согласен/согласна	13	16
Скорее согласен/согласна	23	34
Скорее не согласен	28	25
Полностью не согласен	27	12
Затрудняюсь ответить	10	14

Развит у нынешней российской молодежи и «комплекс врага»: почти три пятых (57%, пять лет назад этот показатель равнялся 60%) согласны с мнением, что у России сегодня много врагов. Самый низкий показатель здесь опять-таки у молодых петербуржцев, самый высокий — у молодежи средних городов.

Таблица 35

**В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ,
ЧТО У РОССИИ СЕГОДНЯ МНОГО ВРАГОВ? (Молодежь 16–29 лет)**

Варианты ответов	2005	2011
	<i>Вся страна</i>	<i>Крупные и средние города</i>
Полностью согласен/согласна	19	20
Скорее согласен/согласна	41	34
Скорее не согласен	28	31
Полностью не согласен	5	8
Затрудняюсь ответить	7	8

В этом плане показательна близость отношения молодежи и населения в целом к идее «Россия — для русских».

Таблица 36

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ – ДЛЯ РУССКИХ»?

Варианты ответов	Все население	Молодежь крупных и средних городов
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	14	19
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	43	41
Отрицательно, это настоящий фашизм	25	26
Меня это не интересует	13	9
Затрудняюсь ответить	6	5
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

2011 г.

Самая высокая доля сторонников этого лозунга среди молодежи Москвы, самая низкая — среди молодежи Петербурга, где, однако, больше всего затруднившихся с ответом на этот вопрос (практически каждый четвертый респондент в Петербурге) и, опять-таки, больше всего тех, кого эта тема «не интересует». Так же складывается баланс мнений петербургской молодежи и по проблеме иностранного влияния на Россию: петербуржцы заметно реже других выражают отторжение от иностранцев и настороженность по отношению к иностранной помощи российским общественным организациям, но они же чаще других затрудняются с ответами на соответствующие вопросы. Доля определившихся по этому поводу наиболее велика среди молодых москвичей: процент не интересующихся проблемой и затрудняющихся с ответом здесь мини-

Таблица 37

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ – ДЛЯ РУССКИХ»?
(2011 г., городская молодежь)

Варианты ответов	Тип поселения			
	Москва	СПб	Крупные города	Средние города
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	28	7	17	20
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	40	35	42	41
Отрицательно, это настоящий фашизм	22	19	29	26
Меня это не интересует	6	14	9	10
Затрудняюсь ответить	4	24	4	2

Таблица 38

**БЫВАЮТ ЛИ ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА
НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?**

Варианты ответов	Все население		Молодежь (16–29 лет)	
	2006	2011	2006 Вся страна	2011 Крупные и средние города
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	42	44	25	22
Бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	31	33	31	34
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	20	19	27	29
Затруднились ответить	8	5	17	15

мальный.

При этом сегодняшняя российская молодежь реже, чем население страны, разделяет иллюзии о спасительной «сильной руке». В этом плане продемократические настроения выражены у молодежи несколько заметнее, хотя, еще раз подчеркнем, все-таки не преобладают: доля так или иначе видящих необходимость в сильном и властном руководителе среди

Таблица 39

КАКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫ?

(Ответы ранжированы по первому столбцу)

Варианты ответов	2010 <i>Все население</i>	2011 <i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	69	64
Право на жизнь	57	67
Неприкосновенность личной жизни, жилища	51	57
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	50	49
Право владеть собственностью	38	45
Право на гарантированный государством «прожиточный минимум»	36	30
Свобода слова	34	53
Право на получение информации	22	30
Свобода вероисповедания	22	26
Право избирать своих представителей в органы власти	20	20
Право уехать в другую страну (и вернуться)	17	24
Затруднились ответить	2	1
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

молодежи страны и среди молодых горожан — выше половины (56%).

Подытоживая эту часть рассуждений, отметим значительную близость представлений о наиболее значимых правах человека у молодых горожан России и у населения страны в целом: если они и отличаются, то, опять-таки, не по степени, в разы, а градуально: иерархия предпочтений

Таблица 40

**КАКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫ?
(2011 г. молодежь крупных и средних городов)**

Варианты ответов	Образование			Потребительский статус		
	<i>Высшее</i>	<i>Среднее</i>	<i>Ниже среднего</i>	<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>
Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	65	63	64	65	61	68
Право на жизнь	69	67	64	67	69	60
Неприкосновенность личной жизни, жилища	64	55	49	59	56	57
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	49	51	44	44	50	65
Право владеть собственностью	49	45	35	47	44	43
Право на гарантированный государством «прожиточный минимум»	32	30	27	30	30	33
Свобода слова	53	53	53	57	51	47
Право на получение информации	35	29	29	36	28	26
Свобода вероисповедания	29	24	23	30	26	15
Право избирать своих представителей в органы власти	23	19	21	26	18	19
Право уехать в другую страну (и вернуться)	25	23	22	24	24	25
Затрудились ответить	1	1	1	1	1	1

(право на бесплатное образование и т. п.) практически одна и та же.

Наиболее заметное отличие молодежи в данном случае — значимость для нее «свободы слова»: она — на четвертом месте по значимости у молодежи (причем на одном и том же уровне во всех образовательных группах), тогда как среди населения в целом — на седьмом.

Обращает на себя внимание тот факт, что значимость гражданских и политических прав (на получение информации и свободу слова, избирательные права) чаще подчеркивают более образованные и, особенно, более обеспеченные подгруппы опрошенной молодежи. Менее обеспеченные группы молодежи (равно как и населения страны) чаще подчеркивают значимость гарантий со стороны государства — обеспечение работой по специальности, право на бесплатное образование и проч.

Проблема коллективной идентификации

Структура самоидентификации у молодых горожан России сегодня в основных аспектах совпадает с общероссийской. Главными общностями, к которым молодые респонденты причисляют себя, прежде всего выступают государственно-национальная (гражданин России, русский человек), семейная (особенно для женской части опрошенной молодежи) и поколенческая. Рассмотрим соотношение этих аспектов самоопределения более подробно.

В целом допустимо говорить о дефиците социальных и культурных общностей разного масштаба, смысла и типа, коллективных символов идентификации в нынешней России, своеобразной десоциализации и «асимболии» (по терминологии Р. Барта). Это связано, с одной стороны, с возрастающей фрагментацией российского социума, усиливающимся стремлением большинства людей к малым общностям, к связям с исключительно «своими», по преимуществу ближайшими родственниками (для более старших по возрасту) и ближайшими друзьями (для молодых респондентов). С другой стороны, работа многих интеллектуальных групп, а особенно каналов массмедиа, в последнее десятилетие сосре-

точена прежде всего на выработке и поддержании предельно ограниченного количества образов государственной власти (фигур лидера и т. п.) исключительно как символов национального целого («великой державы» и проч.), тогда как социальные движения, течения, группы и другие формы самоорганизации, возможность представить и обсудить их идеи, лозунги, символы в публичном пространстве если не вовсе сведены на нет, то в значительной степени приглушены и ослаблены, институционализации их ценностей не происходит.

Вместе с виртуализацией социально-политической сферы нарастает асимволизм публичных пространств в России. И то, и другое суть производные от структурной неопределенности российского социума, дефицита в нем инициативных, самостоятельных групп и авторитетных, эффективных институтов. В этих условиях явно ощутим, более того — растет разрыв между персонифицированными символами национально-государственного целого, монополизированными высшей властью, с одной стороны, и исключительно узкими, аффективными связями и общностями «своих», с другой. Последние — именно в силу своей изолированности и преобладающих партикуляристских отношений «лицом к лицу» — либо не нуждаются в развитой символике, универсальных и обобщенных (абстрактных) посредниках, либо обходятся традиционалистской символикой (гендерной, возрастной, брачной и т. п.).

Чем в большей мере та или иная группа населения тяготеет к немногочисленным «главным» символам (фигурам-олицетворениям) национально-государственного целого, тем в большей мере она теряет язык, как бы «немеет». Но тем в большей степени она нуждается в чужом «языке» символического целого, который сегодня несет телевизор. Можно сказать, чем громче голос телевизора, тем немее и глуше его публика (с известной долей схематизации можно назвать ее «страной», по крайней мере это большинство населения страны, примерно от трех пятых до трех четвертей взрослых россиян).

Молодежь, как мы покажем ниже, в определенной степени разделяет

приверженность к государственно-национальной символике целого, но привержена ей все-таки в меньшей мере, чем другие возрастные группы. Характерно в этом плане, что и в регулярное многочасовое телевидение молодежь городов, особенно Москвы, включена не столь интенсивно, как более старшие группы россиян. Зато молодежь гораздо больше смотрит кино, чаще бывает на выставках, в музеях, чаще читает книги, активнее пользуется компьютером и Интернетом, иными словами — активнее воспринимает различные, конкурирующие, допускающие выбор образы «других». Эти образы имеют принципиально другой характер, чем фигуры верховной власти на экранах телевизора: они не воплощают далекое, не требующее вмешательства, идеализированное национально-государственное целое, а несут с собой значения различных потенциальных социальных партнеров. Иначе говоря, молодежь меньше других групп интересуется монолитным целым навязчивого и безальтернативного государства, но несколько более активно ищет связи с «недостающим» обществом, с «другим», незнакомым (даже экзотическим — отсюда пристрастие молодежи к научной фантастике и

Таблица 41

КАК ЧАСТО ВЫ БЫВАЕТЕ В МУЗЕЯХ, НА ВЫСТАВКАХ?

Варианты ответов	Все население		Молодежь крупных и средних городов
	1990	2009	2011
Несколько раз в неделю	Меньше 1	0	4
Несколько раз в месяц	2	2	15
Несколько раз в год	34	15	27
Никогда	64	83	55
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Таблица 42

КАК ЧАСТО ВЫ ЧИТАЕТЕ КНИГИ?

Варианты ответов	Все население		Молодежь крупных и средних городов
	1990	2009	2011
Ежедневно/почти ежедневно	16	8	19
Два-три раза в неделю	13	10	
1 раз в неделю	9	9	
1–3 раза в месяц	18	8	21
Реже	25	15	23
Практически никогда	19	48	13
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

фэнтези).

Как видим, активность городской молодежи сегодня достаточно близка к той, что 20 лет назад характеризовала население страны в целом, но за два десятилетия радикально снизилась. Особенно это сокращение коснулось «внешней» активности россиян, частоты их посещения центров культуры; однако и снижение доли россиян, постоянно читающих книги, за 20 лет проступило достаточно явно.

Вместе с тем подчеркнем: интерес молодежи к «иному» носит прежде всего, если не исключительно, общекультурный и даже, вероятно, цивилизационный характер. Недаром повышенная активность характерна в особенности для *досугового* и *потребительского* поведения молодых горожан России; в этом плане и возможности городской молодежи, ее сегодняшние финансовые ресурсы, объем свободного времени, понятно, выше, чем у более старших граждан страны, особенно у семейных рос-

Таблица 43

КАК ЧАСТО ВЫ БЫВАЕТЕ В КАФЕ, РЕСТОРАНЕ?

Варианты ответов	Все население		Молодежь крупных и средних городов
	1990	2009	2011
Несколько раз в неделю	Меньше 1	2	20
Несколько раз в месяц	3	12	32
Реже	21	20	36
Никогда	76	65	12
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

сиян среднего возраста.

Активность же пользования альтернативными источниками актуальной *политической* информации среди сегодняшней российской молодежи весьма невелика (кстати, 12–15 лет назад она была все-таки выше). Достаточно сравнить показатели частого пользования государственным телевизором и

Таблица 44

КАК ЧАСТО ВЫ СЛУШАЕТЕ ПЕРЕДАЧИ ЗАПАДНЫХ РАДИОСТАНЦИЙ?

Варианты ответов	Молодежь 16–29 лет	
	1998 <i>Вся страна</i>	2011 <i>Крупные и средние города</i>
Почти каждый день	3	2
Не реже раза в неделю	5	5
Один-два раза в месяц	6	8
Несколько раз в год и реже	47	15
Практически никогда	39	70
<i>Число опрошенных</i>	<i>1250</i>	<i>800</i>

Таблица 45

КАК ЧАСТО ВЫ СМОТРИТЕ НОВОСТИ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ?

Варианты ответов	Молодежь 16–29 лет	
	1998 <i>Вся страна</i>	2011 <i>Крупные и средние города</i>
Почти каждый день	57	58
Не реже раза в неделю	28	29
Один-два раза в месяц	8	6
Несколько раз в год	2	2
Раз в год и реже	2	1
Затрудняюсь ответить	3	4
<i>Число опрошенных</i>	<i>1250</i>	<i>800</i>

негосударственными радиоканалами — передачами западных радиостанций.

Вместе с тем молодежь значительно активнее остальных групп населения использует такой источник информации, как Интернет, и чем моложе и образованнее опрошенные горожане, тем активнее они ведут себя в сети. Если среди тридцатилетних респондентов 40% не общаются в социальных сетях, то среди 16–20-летних таких только 7%. Однако в целом свыше 60% опрошенной городской молодежи вообще не обсуждают в социальных сетях политические темы, и лишь 5%, по их признанию, обращаются к такой тематике «довольно часто» (опять-таки самые молодые и здесь более активны: среди них эта цифра достигает 8%, тогда как среди тридцатилетних она равняется лишь 3%).

Основные символы идентичности

Ряд прежних символов коллективной самоидентификации к нынешнему дню в России почти целиком обесценился. Так, определение себя как «советского человека», значимость которого и для старших групп населе-

ния заметно сократилась за последние 20 лет, для молодежи сегодня уже совершенно не характерно. При этом гордость российской идентичностью выражена у молодежи слабее, чем у других возрастных групп, тогда как поколенческое самоопределение — несколько сильнее. Если, по опросам населения страны 2009–2010 гг. (N=1600), три четверти опрошенных россиян гордятся в той или иной степени тем, что являются гражданами Рос-

Таблица 46

**В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ГОРДОСТЬ
ОТ ТОГО, ЧТО ЯВЛЯЕТЕСЬ РОССИЯНИНОМ?**

Варианты ответов	Молодежь 16–29 лет	
	1998 <i>Вся страна</i>	2011 <i>Крупные и средние города</i>
Испытываю большую гордость	23	23
Испытываю некоторую гордость	39	42
Не испытываю особой гордости	25	24
Не испытываю никакой гордости	9	8
Затрудняюсь ответить	5	4
<i>Число опрошенных</i>	<i>1250</i>	<i>800</i>

сии, то среди молодежи эта доля составляет от трех пятых до двух третей.

Опрошенная молодежь во многом ощущает себя в роли *младшего*, сына/дочери своих родителей (в особенности это характерно для молодежи средних городов и, естественно, для более молодых подгрупп молодежи), тогда как значения самостоятельности и самодостаточности (хозяин на своей земле и в своем доме, специалист в своем деле и т. п.) выражены в молодежных самохарактеристиках заметно более слабо и характерны, пожалуй, лишь для старших и наиболее образованных подгрупп молодежи, причем чаще — мужской ее части. Можно сказать, что в самопонимании молодых россиян преобладают характеристики пассивной *принадлежности* к той или иной общности (по модели родительской

семьи), тогда как оснований для *гордости* активными действиями и их результатами, реальными делами (по образцу профессии, общественной активности или политического участия) молодежь находит куда меньше.

Понимание себя как *человека верующего* представлено в самооценках молодежи также весьма слабо (далеко не лидирует оно и в других группах населения, при том что свыше 70% и населения в целом и опрошенной молодежи называют себя православными), а в качестве *человека политического* — почти вовсе не представлено. За последние двадцать лет ощущение себя «коммунистом» приблизилось к нулю среди населения страны и совершенно не характерно для молодежи.

Таблица 47

**КЕМ ВЫ ОСОЗНАЕТЕ СЕБЯ С ГОРДОСТЬЮ,
ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРИБАВЛЯЕТ ВАМ УВАЖЕНИЯ К СЕБЕ?**

Варианты ответов	2008 <i>Все население</i>	2011 <i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Отцом (матерью) своих детей	53	27
Сыном (дочерью) своих родителей	33	32
Хозяином в своем доме	30	16
Хозяином на своей земле	11	5
Жителем своего города, села, района	34	24
Сыном (дочерью) своего народа	30	15
Специалистом в своем деле	22	15
Советским человеком	12	1
Верующим человеком	15	7
Русским человеком	50	34
Гражданином России	47	28
Членом своего кружка, компании	4	9
Работником своего предприятия, учреждения	9	9

Продолжение таблицы 47

Человеком своего поколения	20	23
Человеком, занимающим видное положение	1	–
Человеком, достигшим своим трудом материального благополучия	20	–
Представителем рода человеческого	8	7
Ветераном Великой Отечественной войны	1	13*
Ветераном войны в Афганистане, в Чечне	1	1
Коммунистом	2	1
Демократом	1	2
Патриотом своей страны	16	6
Сторонником президента В. Путина	9	3
Другое	<1	1
Затрудняюсь ответить	4	7

* Внук, потомком тех, кто победил в Великой Отечественной войне.

Патриотизм по отношению к городу, где живешь, равно как и сознание себя *гражданином России*, наиболее характерны для молодых жителей Петербурга (соответственно 37 и 48%), гордость тем, что ты *русский человек* — для жителей Москвы (36%). В средних городах более значима, чем в иных типах поселений, такая самохарактеристика молодых людей, как «потомок участников Отечественной войны» (19%).

Оценки исторических эпох и фигур

Эпоху Путина молодежь оценивает по большей части позитивно, но все же не столь высоко, как население в целом. Из нижеследующей таблицы легко видеть, что в сумме чуть больше 40% молодых россиян не разделяют позитивной оценки времени Путина либо же затрудняются их оценить.

Таблица 48

ПУТИНСКАЯ ЭПОХА ПРИНЕСЛА...

Варианты ответов	2008	2011
	<i>Все население</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Больше хорошего	76	59
Больше плохого	5	13
Не принесла ничего особенного	9	16
Затрудняюсь ответить	10	12
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>800</i>

В отношении к остальным эпохам ближайшего прошлого молодежь чаще, нежели взрослые, затрудняется с оценками. При этом чем дальше отстоит оцениваемая эпоха, тем выше доля молодежи, затрудняющейся с ответом. Максимум критических оценок в отношении времени и фигуры В. Путина, а также эпох и фигур ближайшего прошлого дают молодые респонденты с высшим образованием и жители Москвы. Лишь в отношении фигуры и эпохи Б. Ельцина более негативные оценки принадлежат молодежи крупных и, особенно, средних городов.

Таблица 49

ВРЕМЯ БРЕЖНЕВА ПРИНЕСЛО...

Варианты ответов	2008	2011
	<i>Все население</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Больше хорошего	36	21
Больше плохого	18	24
Не принесло ничего особенного	26	22
Затрудняюсь ответить	21	33
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>800</i>

Таблица 50

ВРЕМЯ ГОРБАЧЕВА ПРИНЕСЛО...

Варианты ответов	2008	2011
	<i>Все население</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Больше хорошего	12	13
Больше плохого	54	45
Не принесло ничего особенного	18	17
Затрудняюсь ответить	17	25
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>800</i>

Таблица 51

ВРЕМЯ ЕЛЬЦИНА ПРИНЕСЛО...

Варианты ответов	2008	2011
	<i>Все население</i>	<i>Молодежь крупных и средних городов</i>
Больше хорошего	11	14
Больше плохого	58	47
Не принесло ничего особенного	17	21
Затрудняюсь ответить	14	18
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>800</i>

35% опрошенных молодых россиян вообще никогда не разговаривают с родителями на политические темы. Иначе говоря, межпоколенческой передачи политических оценок, предпочтений, отторжений и т. д. по крайней мере примерно в трети — двух пятых российских семей не происходит.

Ретроспективные оценки советского опыта

Примерно такова же — в среднем до трети — доля молодых людей, которые никогда не обсуждали советский период с родителями и более

старшими родственниками. Остальные же, по большей части (от 51 до 64% опрошенных в 2011 г.), имели дело с положительными оценками советского времени. При этом чем дальше время опроса (см. таблицу ниже) отдалялось от советской эпохи, тем выше становилась доля положительных оценок советского опыта в разговорах со старшими.

Таблица 52

**ОБСУЖДАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
С ВАШИМИ БАБУШКАМИ И ДЕДУШКАМИ (ПРАБАБУШКАМИ-ПРАДЕДУШКАМИ)?**

Варианты ответов	Молодежь 16–29 лет	
	2005 <i>Вся страна</i>	2011 <i>Крупные и средние города</i>
Никогда не обсуждал	44	33
Они говорят, что жизнь была в целом хорошей	24	28
Они говорят, что жизнь была хорошей, хотя были и недостатки	22	26
Они говорят, что жизнь была плохой, хотя были и хорошие стороны	9	11
Они говорят, что жизнь была в целом плохой	1	1

От средних ответов на данные вопросы заметнее других отличаются цифры по Санкт-Петербургу. Здесь выше всего доля молодых людей, которые *никогда не обсуждали* со старшими советскую эпоху (37% — с родителями, 48% — с бабушками и дедушками), но и выше доля тех, чьи предки оценивали советскую жизнь как *плохую* (примерно каждый пятый из опрошенных).

Можно предположить, что в отношении к советскому прошлому у молодежи, не имеющей в этом плане собственного жизненного опыта, преобладает влияние даже не столько старших родственников, сколько СМИ. В этом плане огосударственные СМИ нулевых годов были чрез-

вычайно активными. Под их воздействием у молодежи идеологические оценки и характеристики СССР как социально-политической системы прочно ассоциируются с символами и значениями «советского» как своего рода цивилизации или культурного уклада уже далекого и, как кажется, обезопасенного временной дистанцией (ощущение обманчивое, поскольку прошлое тем самым оказывается забыто, непроработано, и уроки для настоящего и будущего из него не извлечены). Эти вторые смягчают прямое давление идеологии, но вместе с тем консервируют ее, переводя в образно-символический план, «утепляя» и «очеловечивая» коммуницируемые значения, связывая их с любопытными и привлекательными вещными деталями, занятыми биографическими подробностями, ностальгическими образцами межличностных отношений и т. п.

Отношение к Западу

30% опрошенной городской молодежи владеют сегодня иностранными языками, свыше трети бывали на Западе сами, у 40% там бывали родители (максимум здесь приходится на молодых москвичей: почти 60% их побывали за границей, более чем у половины там бывали родители). Прагматическое отношение к Западу как источнику благ, месту работы или отдыха и т. п. среди молодых людей более позитивное, чем у населения в целом. Признание достижений Запада, тамошнего высокого уровня жизни, степени защищенности и свободы людей в развитых западных странах у городской молодежи России достаточно высоко, во всяком случае, выше, чем у населения в среднем.

Однако именно поэтому для большинства молодежи, как и для преобладающей части российского населения в целом, так болезненны сравнения России с Западом и любые вопросы социологов, которые затрагивают область неприятных сопоставлений. Иначе говоря, практическое отношение к западному как «другому» постепенно нормализуется, становится более позитивным и у населения, и, особенно, у молодых урбанизированных россиян. Но символическая проблема влияния Запа-

да на Россию, как и места России в мире, уважения к ней со стороны других стран и т. п., то есть связи России с миром и мира с Россией, по-прежнему остаются ценностно-нагруженными, полными скрытых, невыговоренных эмоций, обид, зависти и проч.

Таблица 53

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСИЛИСЬ БЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ СУЖДЕНИЯМИ?
(приводятся только ответы согласившихся)

Варианты ответов	Молодежь 16–29 лет	
	2005 <i>Вся страна</i>	2011 <i>Крупные и средние города</i>
Для России было бы лучше, если бы иностранцы прекратили навязывать нам свои идеи	64	60
Иностранцы, которые оказывают финансовую помощь российским общественным организациям, в действительности пытаются вмешиваться в нашу жизнь	55	60

Добавим, что, согласно данным ближайшего по времени опроса всего российского населения (2010 г., N=2000 человек), с соответствующими суждениями согласился 61% взрослых россиян. Таким образом, в плане *символического образа и престижа* страны как особого целого российская городская молодежь, можно сказать, полностью разделяет стереотипы большинства россиян других возрастных групп.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Для современной молодежи вопросы советского прошлого, понимания устройства советского общества, в котором выросло, социализировалось большинство нынешнего населения, перестали быть значимы. Структура самоидентификации у молодых горожан России в основных аспектах совпадает с общероссийской. Главными общностями, к которым молодые респонденты причисляют себя, прежде всего, выступают *государственно-национальная* (гражданин России, русский человек), *семейная* (особенно для женской части опрошенной молодежи) и *поколенческая*.

Молодежь легче и быстрее адаптировалась к социальным и политическим переменам. Воспринимаемые другими возрастными группами как носители нового, новых ценностей, молодые люди с течением времени и сами стали относиться к себе как к группе или поколенческой когорте, более ценной, чем другие поколения или группы, не прилагая для этого каких-либо особых усилий, не ознаменовав себя в социальном плане особыми достижениями. Молодежь воспринимала свои «привилегированные» позиции как нечто закономерное, получив в «готовом виде» свободы и возможности, ранее недоступные для людей старшего возраста, а потому относясь к ним не как к ценностям, а как к само собой разумеющимся условиям индивидуального существования. «Незаслуженность» этой оценки молодежью блокировала как для самого общества, так и для молодых людей необходимую работу по рационализации задач модернизации, переоценке прошлого, усилия, связанные с пониманием, восприятием, усвоением новых для российского общества идей, правовых представлений, ценностей, понимания ответственности, в том числе и гражданской, создания форм социальной солидарности.

Заметное ослабление прозападных, либерально-демократических, пусть и декларативных установок, более выраженных именно у молодых, вытес-

нение проблемы гражданских прав и свобод, соблюдения закона и пр., сменилось ростом нетерпимости, агрессии по отношению к «другим», социально или культурно чуждым группам, безучастностью по отношению к сворачиванию публичного пространства, возможностей политического участия и влияния при высоком в сравнении с другими поколениями одобрении «путинского режима».

2. В целом удовлетворенность молодежи разными сторонами своей жизни весьма высока, а в сравнении с другими возрастными группами она наивысшая. Подавляющее большинство молодежи сегодня в общем и целом удовлетворено своей жизнью. Большинство оказывается довольным полученным образованием, не предъявляя особо серьезных претензий к его качеству. Непроблематичность для подавляющей части молодых учащихся содержания и качества получаемого образования, отсутствие в их сознании ценности индивидуального усилия при получении образования, «конвертируемого» в успех, говорит о той же пассивно-адаптивной стратегии поведения молодых, которая характерна для подавляющего большинства населения на протяжении последнего двадцатилетия. Идея отстаивания, защиты своих прав на получение качественной услуги за деньги, протеста против переплаты, нарушения договорных отношений среди молодых сегодня практически отсутствует. Больше всего молодежь не удовлетворена своим материальным положением, в этом молодые люди все сильнее сближаются с остальными группами населения. Разрыв между желаниями и сознанием своих возможностей приводит к стойкому негативизму в восприятии реальности, защитой от которого оказывается обесценивание или негативная оценка самого объекта желаний (принцип «зелен виноград»), массовая депрессия, особенно заметная в провинции — в селе или в малых городах, стойкое состояние безысходности.

Ощущения унижения, несправедливости, враждебности становятся почвой для самых разнообразных проявлений — политической поддержки авторитарного режима (когда его лидер наделяется чертами и свойствами, снимающими массовую неудовлетворенность положением вещей и комплексы неполноценности, вызванные сознанием собственной ничтожности

и жизненных неудач), ксенофобии, как внутренней, так и внешней, например антиамериканизма, неприязни к бывшим республикам СССР, изоляционизма, социальной зависти и проч. Однако сама по себе двойственность оценок или, правильнее сказать, двойная перспектива восприятия реальности служит фактором стабилизации и «примирения с действительностью», предупредительного снижения планки своих запросов и общей стратегии «понижающей адаптации».

Молодые люди, как и большинство населения, не имеют четкого представления о своем будущем. По данным 2010 года лишь 6% россиян могут ясно представить свое будущее более чем на пять лет вперед, лишь одна пятая видит его на год-два вперед и менее одной десятой — на 5–6 лет вперед. Относительное большинство молодых считают, что могут планировать свою жизнь не более чем на год-два вперед.

3. Отношение российской молодежи к политике характеризуется общей неопределенностью или противоречивостью политических ориентаций и предпочтений; низким интересом к политике; низким уровнем доверия ко всем политическим институтам, за исключением фигуры президента; низким уровнем реального участия в политических и общественных инициативах при относительно высокой оценке подобных инициатив как социального феномена, потенциальной общественной силы. По многим принципиальным социально-политическим проблемам и векторам движения страны молодежные оценки близки к средним по населению в целом. 35% опрошенных молодых россиян вообще никогда не разговаривают с родителями на политические темы. Это означает, что не происходит межпоколенческой передачи политических оценок, предпочтений, отторжений и т. д. по крайней мере примерно в трети — двух пятых российских семей. От 56 до 64% опрошенных (2011 г.) сохранили положительные оценки советского времени. При этом чем дальше время опроса отдалялось от советской эпохи, тем выше становилась доля положительных оценок советского опыта в разговорах со старшими. В отношении к «советскому» у молодежи, не имеющей собственного жизненного опыта, преобладает влияние даже не столько старших родственников, сколько

СМИ. Под их воздействием у молодежи идеологические оценки и характеристики СССР как социально-политической системы прочно ассоциируются с символами и значениями «советского» как своего рода цивилизации или культурного уклада.

4. Восприятие своего поколения молодыми россиянами лишено какой-либо возвышенности и романтической идеализации. Оно противоречиво, поскольку обусловлено в значительной мере ценностными установками старшего поколения, закрепленными школьной дидактикой или рутинными интеллигентскими догмами.

5. Главный ценностный ориентир — желание денег как утопия будущего и собственного благополучия.

6. Более образованные среди опрошенных молодых горожан заметно выше оценивают свои возможности влиять на ситуацию в стране через акции протеста или через общественные организации и гражданские инициативы. Более образованная молодежь чаще видит за формами общественной самоорганизации именно протестную составляющую, оппозиционную нынешней власти, и выделяет такие важные для нее права человека, как неприкосновенность частной жизни, жилища, право владеть собственностью, право на информацию.

Однако в целом заинтересованность российской молодежи политическими вопросами и формами деятельности крайне низка. Даже в сравнении с апатичным населением страны доля не интересующихся политикой среди сегодняшней городской молодежи в России вдвое больше. Отношение к политике исчерпывается исключительно зрительским слежением за информацией о политических новостях и обсуждением ее в узком кругу «своих», а не реальным и ответственным участием. Значимость гражданских прав чаще подчеркивают более образованные и, особенно, более обеспеченные подгруппы опрошенной городской молодежи. Менее обеспеченные группы молодежи (равно как и населения страны) чаще подчеркивают значимость гарантий со стороны государства — обеспечение работой по специальности, право на бесплатное образование и проч.

7. Более высокий уровень недоверия (и минимум доверия) всем государственно-политическим структурам выказывает московская молодежь. Абсолютное большинство молодых людей, по их признанию, не имеют представления о том, какие цели поставлены руководством перед страной, какие перспективы у России и куда она идет. Молодые россияне в целом (54%) считают, что они не способны влиять на ситуацию, участвуя в общественных организациях и гражданских инициативах. Наибольшую уверенность в своих силах последовательно демонстрируют москвичи. Однако реальное участие молодых людей в общественной жизни значительно ниже, так что заявленная позиция остается в большинстве случаев исключительно демонстративной и декларативной.

8. Обращает на себя внимание высокий уровень неосведомленности и отстранения молодых горожан от оценок таких групп и движений, как антиглобалисты, лимоновцы, антифа, в которых участвует преимущественно молодежь: доля затрудняющихся с ответом здесь достигает 45% опрошенных и выше.

9. Среди факторов, препятствующих формированию гражданского общества в стране, молодежь также заметно выделяет противодействие процессам самоорганизации со стороны власти. Вместе с тем молодые люди подчеркивают отсутствие самостоятельности и инициативы в самих своих соотечественниках и сверстниках, их слабую уверенность в пользе такого рода активности.

10. Прагматическое отношение к Западу как источнику благ, месту работы или отдыха и т. п. среди молодежи более позитивное, чем у населения в целом. Признание достижений Запада, тамошнего высокого уровня жизни, степени защищенности и свободы людей в развитых западных странах у городской молодежи России достаточно высоко и, во всяком случае, выше, чем у населения в среднем. Но если практическое отношение к западному как «другому» постепенно нормализуется, становится более позитивным и у населения, и, особенно, у молодых урбанизированных россиян, то символическая проблема влияния Запада на Россию, как и места России в мире, уважения к ней со стороны других стран и т. п., по-прежнему остаются ценностно-нагруженными, полными скрытых эмоций, обид и зависти.

Содержание

Введение	3
Теоретическая рамка: аномия и проблема «дефектной» социализации	11
Разложение публичного пространства: от низового рессентимента до политического и культурного эскапизма	20
Основные результаты опроса городской молодежи	30
<i>Удовлетворенность жизнью</i>	30
<i>Образование</i>	31
<i>Удовлетворенность материальным положением</i>	35
<i>Проблемы молодежи</i>	38
<i>Настроения как проекция ценностных установок</i>	47
<i>Представления об успехе и о будущем</i>	50
<i>Политическое участие и отношение к гражданскому обществу</i>	55
<i>Проблема коллективной идентификации</i>	77
<i>Основные символы идентичности</i>	82
<i>Оценки исторических эпох и фигур</i>	85
<i>Ретроспективные оценки советского опыта</i>	87
<i>Отношение к Западу</i>	89
Основные выводы	91

Приложение к журналу «Общая тетрадь»

Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая

МОЛОДЕЖЬ РОССИИ

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 12.09.2011. Формат издания 70х90/16. Печ. л. 6. Тираж 999 экз. Заказ №

Московская школа политических исследований
127006, Москва, Старопименовский переулок, д. 11/6, строение 1
Тел./факс: +7 (495) 699 01 73
E-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>